

Видунасъ.

ЛИТВА

ВЪ ЕЯ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ВИЛЬНО.

Изд. „Литвы“.

1921 г.

Типографія Бр. Яловцерь, Вильно.

Видунасъ

Литва въ ея прошломъ и настоящемъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ВИЛЬНО

Издательство „ЛИТВЫ“

1921

Типогр. Бр. Яловцеръ, Вильно.

K-216/
43

40685

Предисловіе къ русскому изданію.

Вильгельмъ Стороста (Видунасъ) является однимъ изъ наиболѣе выдающихся литовскихъ писателей, особенно плодовитымъ въ области поэзіи и теософіи. Прусскій литовецъ по происхожденію, онъ много сдѣлалъ для того, чтобы заинтересовать нѣмецкую интеллигенцію Литвой и литовцами. Этой цѣли посвященъ его трудъ на нѣмецкомъ языкѣ „Litauen in Vergangenheit und Gegenwart“ (Тильзитъ, 1916). Черезъ годъ этотъ трудъ появился, въ Женевѣ, въ французскомъ переводѣ д-ра фил. А. Висконтъ, а въ 1919 г. въ Вильнѣ въ польскомъ переводѣ.

Предлагая эту книгу русскимъ читателямъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами выпущенъ весь I отдѣлъ, равно какъ и нѣкоторыя другія мѣста, слишкомъ тѣсно связанныя съ даннымъ переходнымъ моментомъ и отношеніемъ нѣмецкой интеллигенціи къ Литвѣ и литовцамъ. Техническія условія, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ помѣстить многочисленныя и прекрасныя иллюстраціи, украшающія оригинальное нѣмецкое изданіе и французскій переводъ.

Издатели.

Вильно 1921 г.

Предисловіе автора.

Существенное содержаніе настоящей книги было написано еще въ 1902 году. Представшіе нынѣ особенно важные вопросы, касающіеся Литвы, послужили поводомъ къ переработкѣ и цѣлесообразному расширенію этого труда. То, что я пишу о Литвѣ и литовцахъ, есть то, что о нихъ знаю. Никакой другой литовской действительности для меня не существуетъ. Въ какомъ свѣтѣ я видѣлъ страну и населеніе, въ такомъ я и описываю ихъ. Никакихъ политическихъ цѣлей или требованій я не ставлю—считаю это излишнимъ. Власть имущіе будутъ дѣйствовать сообразно своему усмогрѣнію и склонностямъ. Пусть ихъ! Существованіе народовъ зависитъ не отъ тѣхъ или иныхъ желаній а—въ концѣ коцовъ—отъ дѣйствія внутреннихъ жизненныхъ силъ самаго народа, отъ присущей имъ внутренней цѣнности. И кажется мнѣ, что гений всемірной исторіи улыбается при видѣ нѣкоторыхъ ожиданій и опасеній кипучаго настоящаго.

Видунасъ.

Тильзитъ, 3 мая 1916 г.

Литовская страна.

Положеніе и очертанія. Человѣка узнають по языку. Человѣкъ чувствуетъ себя дома тамъ, гдѣ слышится его родная рѣчь. Литва, поэтому, тамъ, гдѣ еще говорятъ по-литовски. Это — бассейнъ Нѣмана. Только область верхняго течения этой рѣки принадлежитъ теперь совершенно чужому народу, пришедшему съ востока — бѣлоруссамъ. Но далѣе живутъ уже литовцы на обоихъ берегахъ рѣки, которая въ своемъ главномъ направленіи съ востока на западъ, поварачиваетъ къ сѣверу, чтобы еще дальше опять направиться къ западу, до своего впаденія въ Куришь-Гафъ.

По среднему и нижнему теченію Нѣмана опять литовскія области, которыя не являются безспорными. Съ юга пришли поляки со своими претензіями, съ юго-запада — нѣмцы. Языки обоихъ этихъ народовъ слышатся въ этихъ областяхъ все громче, между тѣмъ какъ литовская рѣчь становится все болѣе робкой. Только за послѣднія три десятилѣтія можно отмѣтить усиленіе литовскаго слова.

Къ сѣверу и югу литовская земля простирается довольно далеко. Даже на Двинѣ (по-литовски Даугува) можно слышать литовскую рѣчь. Тутъ сосѣдями литовцевъ являются латыши, языкъ которыхъ ближе всего подходитъ къ литовскому.

Страна, орошаемая Нѣманомъ (по-литовски — Нямунасъ) и его притоками, имѣетъ очень слабый наклонъ къ сѣверо-западу, къ Балтійскому морю. Это — страна низменная, но необыкновенно богата разнообразными и живописными ландшафтами. Долины Нѣмана и его притоковъ большею частью глубоко вырыты въ землѣ, и высокіе берега дѣйствуютъ съ импонирующей силой.

Дальше отъ рѣчныхъ долинъ поверхность страны волнистая, и почва мѣстами поднимается на значительную высоту. Такъ, напримѣръ, въ серединѣ той части бассейна Нѣмана, гдѣ рѣка направляется съ юга на сѣверъ, къ западу лежатъ высоты, достигающія до 300 метровъ; это — т. н. Гольдапскія горы. А къ востоку отъ этой же части рѣки, въ такомъ же точно разстояніи отъ нея, находятся еще болѣе возвышенныя Ошмянскія и Кревскія высоты. Къ сѣверу отъ середины послѣдняго колѣна Нѣмана (направляющагося съ востока на западъ), въ разстояніи нѣ-

скольких миль отъ рѣки, тянутся возвышенности, у юго-восточнаго конца которыхъ расположены Кельмы, а у сѣвернаго—Тельши.

У самой рѣки, недалеко отъ ея устья, по обѣимъ сторонамъ лежатъ довольно значительныя возвышенности: на южной сторонѣ—Оберейссельнъ, на сѣверной—Шерейклаукисъ. Отъ этихъ послѣднихъ спускается къ самой почти рѣкѣ Рамбинасъ, такъ часто упоминаемый въ литовскихъ легендахъ и сказкахъ. Къ нему-то стекаются ежегодно, ко дню св. Юанна, богомольцы со всѣхъ концовъ Литвы, чтобы отдохнуть и любоваться своимъ прекраснымъ отечествомъ.

И дѣйствительно, кто хоть разъ взглянулъ съ вершинъ Рамбинаса на долину Нѣмана и на противолежашія высоты, кто видѣлъ причудливыя холмы и долины на хребтѣ самой горы, тотъ не можетъ уже забыть эту гору, такъ горячо любимую литовцами.

Если подняться оттуда вверхъ по рѣкѣ, то сначала встрѣчаются, правда, довольно скромныя прибрежныя ландшафты. Путешественникъ едва замѣчаетъ Юру, впадающую въ Нѣманъ съ сѣвера, и Шешупу, впадающую съ юга. Лѣса, подернутые сиватою дымкой, на нѣкоторомъ разстоянн отъ рѣки, тоже не производятъ особеннаго впечатлѣнн. Чѣмъ дальше, однако, подвигаться къ востоку, тѣмъ больше оживляется пейзажъ съ обѣихъ сторонъ. Берега рѣки общають такъ много, привлекають такъ заманчиво, что кажется, будто направляешься въ какую-то великолѣпную, сказочную страну. Всюду простирается надъ землей покровъ лѣсовъ, и неожиданно, скрываемыя лѣсами и прибрежными высотами, ввергаются въ Нѣманъ его притоки. Нѣманъ—не Рейнъ и не Эльба; но кто видѣлъ эти три рѣки, тотъ можетъ сказать что каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности, заслуживающія вниманія человѣка.

А если проѣхать въ лодкѣ вверхъ по этимъ притокамъ, то изумленіе еще больше возрастетъ.

Назовемъ важнѣйшіе изъ притоковъ.

Съ сѣвера и востока, послѣ Юры, въ Нѣманъ впадаютъ Дубисса, Невѣжа, Нерисъ (или Вилія) и Меркисъ (или Меречанка), съ юга и востока, послѣ Шешупы,—Черная Гныя и др. И какъ удивительно красива самая вода въ этихъ рѣкахъ! Польскій поэтъ Мицкевичъ воспѣваетъ золотистое дно Вилія (Нериса) и ея свѣтлую небесно-голубую поверхность. Невежа

опять врѣзалась глубоко между крутыми, высокими берегами, и катитъ свои черныя воды туда, къ Нѣману, который несетъ далѣе къ морю свои волны, въ которыхъ отражается причудливая игра цвѣтовъ.

И какъ всѣ эти рѣки извиваются и тѣснятся сквозь причудливыя высоты! Подобно Нѣману въ его среднемъ теченн, извиваются также всѣ его притоки на всемъ ихъ протяженн, а больше всѣхъ—Шешупа. И тѣмъ не менѣе не видно тутъ скалъ, только въ откосахъ, образующихъ берега рѣкъ, попадаются иногда огромныя каменныя глыбы, совершенно обнаженныя.

Въ Нѣманъ впадаетъ еще Минія, протекающая сначала въ южномъ направленн, по ровной, неизменной странѣ, и достигающая Нѣмана какъ разъ передъ его впадениемъ въ Куришь-Гафъ. Подобно Миниѣ, въ Нѣманъ впадаетъ съ сѣвера также Данія (Акмена); эта рѣка отличается на рѣдкость чудными берегами, въ особенности въ той части Литвы, которая расположена дальше. Надо еще упомянуть о Вентѣ, которая беретъ начало на Кельмскихъ высотахъ и течетъ къ сѣверу, о разливахъ и наводненіяхъ которой въ сѣверо-западной Литвѣ, на Жмуди (т. е. низменности), такъ много говорятъ.

Вѣроятно, на землѣ немного такихъ областей, гдѣ бы на маломъ пространствѣ встрѣчались бы рядомъ самыя разнообразныя ландшафты. И это можно сказать не только въ отношенн возвышенностей и низменностей, горъ и долинъ, вершинъ и пропастей,—но и плодородныхъ полей и равнинъ степнаго характера, вересковыхъ луговъ, песчаныхъ и болотистыхъ пространствъ, даже—пустынь, если причислить къ Литвѣ косу, отдѣляющую Куришь-Гафъ отъ Балтійскаго моря (литовцы въ этой части составляютъ 61,9% общаго количества населенія).

Растительный покровъ страны также очень разнообразенъ. Тутъ встрѣчаются обширнѣйшіе лѣса. И если почва Литвы не имѣетъ минеральныхъ богатствъ—то лѣса составляютъ ея богатство и ея гордость. Надо надѣяться, что эти лѣса не погибнутъ за время нашихъ войнъ.

Въ лѣсахъ Литвы встрѣчаются всѣ виды средневропейскихъ деревьевъ. Въ литовскихъ пѣсняхъ говорится о дубахъ, липахъ, березовыхъ и кленовыхъ лѣсахъ.

Среди лѣсовъ расположены деревни и хутора. Многое у литовцевъ отобрано. Поляки и русскіе присвоили себѣ то, что составляло нѣкогда собственность литовцевъ. Можно надѣяться, что

эти насилия окончательно прекратятся. Литовцамъ необходимо научиться защищать себя. Однако, когда подходишь ближе къ литовскому хутору—то всякая надежда пропадаетъ. Тутъ каждый уголокъ дышитъ миролюбиемъ, говорить о мягкости и деликатности чувствъ, свидѣтельствуешь о созерцательной жизни обитателей, въ близкомъ общеніи съ природой. Литовцу присуще нѣчто архаическое, какъ и всей Литвѣ.

И фауна въ Литвѣ напоминаетъ давно прошедшія времена. Правда, Бѣлосвѣжскій лѣсъ съ его зубрами (по-литовски—стумбрасъ) уже не принадлежитъ болѣе Литвѣ,—хоть это животное живо еще въ памяти литовскаго народа. Но лось (по-литовски—бредисъ) все еще бродитъ въ лѣсахъ при устьѣ Нѣмана и часто подходитъ очень близко къ литовскимъ деревнямъ.

Литовець никогда не любилъ селиться густо. Поэтому литовскіе большіе города, за нѣкоторыми незначительными исключениями, населены людьми чужого происхожденія. Древній столичный городъ **Вильнюсъ**; (поляки называютъ его **Вильно**), русское **Вильна** лежитъ въ юго-восточной части страны, въ замѣчательно живописной котловинѣ, при впаденіи рѣк. Вилейки въ Вилію. Берега Вилейки такъ живописны, что вызываютъ одно восхищеніе.

При слияніи Вилии съ Нѣманомъ лежитъ **Ковно** (по-литовски—**Каунасъ**). Окрестности этого города тоже удивительно живописны. Изъ меньшихъ городовъ назовемъ **Поневѣжъ** (по-литовски—**Паневежисъ**), на рѣкѣ Невѣжѣ; далѣе—уже упомянутыя **Тельши**; на берегу Балтійскаго моря—маленькій, но такъ часто упоминаемый **Полангенъ**, съ горою Бируты, много воспѣваемой супруги знаменитаго литовскаго князя Кейстута. Изъ литовскихъ мѣстностей Рагайне, Тильже и Клайпеда развились въ города Рагнитъ, Тильзитъ и Мемель.

Такова Литва, если окинуть бѣглымъ взглядомъ ея положеніе и очертанія. Однако, чтобы опредѣленнѣе уяснить себѣ характеръ страны, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ и особенностяхъ пейзажа.

На лонѣ природы. Сплавъ лѣса, конечно, не является исключительной особенностью Литвы; однако же въ литовскомъ ландшафтѣ это приобретаетъ какой-то особенный характеръ. Ни въ чемъ другомъ человекъ и окружающій его ландшафтъ не сливаются такъ въ одинъ характерный образъ, какъ именно въ этомъ. Въ теченіе всего лѣта рѣки Литвы несутъ на своихъ волнахъ единственное богатство страны—дерево изъ ея лѣсовъ

внизъ, къ морю. Медленно, безшумно плывутъ по рѣкѣ длинныя плоты. Спереди стоятъ два человекъ у длиннаго весла и двое сзади. Только время отъ времени они перекликаются нѣсколькими словами. Посрединѣ плота устроена изъ соломы палатка, въ которой отдыхаетъ то одинъ, то другой. Тутъ они спятъ, когда плотъ стоитъ на мѣстѣ; это обыкновенно бываетъ ночью. До поздней ночи сидятъ они вмѣстѣ, среди окружающаго безмолвія ночи, и бесѣдуютъ. Одинъ заталяетъ литовскую дайну (народную пѣсню), черезъ два-три такта къ нему присоединяются другіе, поддерживая его въ терціяхъ; они поютъ, такимъ образомъ, въ три и четыре голоса. Съ чарующей силой захватываетъ слушателя это стройное пѣніе, и кажется ему, что это звучитъ сама природа, изъ согласно настроенныхъ инструментовъ. Среди вечерней мглы, въ звѣздную ночь несется пѣсня, то плачетъ, то смѣется. Но плачетъ гораздо чаще... Слушаешь тогда эти жалобы—и такъ и хочется постигнуть это страданіе, которое несется надъ рѣкою, надъ долинами и горами... Откуда? Куда? Зачѣмъ?.. Но напрасно! Оно только проявило себя, крикнуло о себѣ—и больше ничего. Оно умерло въ темнотѣ ночной. И глубокое молчаніе ночи восприняло, растворило въ себѣ и эту, не находящее для себя успокоенія страданіе...

Густой туманъ стелется утромъ надъ водой, надъ равниной. На разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ берега не различишь воды. Но вотъ всплескъ весла нарушаетъ тишину. Вслѣдъ затѣмъ раздаются надъ рѣкой возгласы сплавщиковъ. Это—литовская рѣчь. Теперь она содержитъ нѣчто совсѣмъ отличное отъ того, о чемъ нѣла вчерашняя дайна: теперь она заключаетъ въ себѣ опредѣленные мысли, ясно сознанныя цѣли и намѣренія. Видно, что это принадлежитъ трудящимся людямъ. Только ихъ не видно, они еще скрыты въ густомъ туманѣ, вмѣстѣ съ своимъ плотомъ и своей работой.—Вотъ показалось вдали что-то темное. Что это? Это весло поднялось, и вотъ оно съ плескомъ ударило о воду. Разговоръ слышенъ совсѣмъ близко. Плотъ и люди вынырнули изъ сѣраго тумана. Силуэты ихъ плывутъ, скользятъ, приближаясь къ намъ. Это, вѣдь, вчерашніе пѣвцы! Какіе они высокіе, свѣтлорусые! Съ какой силой они работаютъ веслами! Ни малѣйшаго слѣда той мягкой грусти въ ихъ движеніяхъ. Это—люди сильные, закаленные въ тяжеломъ трудѣ. Еще одинъ возгласъ. Какъ эти слова благозвучны! Еще разъ... Теперь въ туманѣ заглушаются слова, точно подъ сурдину. Люди и плотъ

опять исчезаютъ въ туманѣ. Еще видны тѣни. Еще плеснуло весло разъ или два, еще одинъ возгласъ — и все опять скрылось, осталась только одна сѣрая масса тумана, безмолвная, какъ и земля. И только черезъ нѣсколько часовъ картина мѣняется. Медленно проникаетъ солнечный свѣтъ, туманъ таетъ, и рѣка начинаетъ сверкать въ своихъ зеленыхъ берегахъ. Далеко-далеко тянется плоть; его можно видѣть съ той-вонъ высоты. Приближается къ намъ другая... Такъ течетъ рѣка, такъ проходятъ мимо люди, такъ проплываютъ въ даль срубленные деревья. Только двѣ-три линіи провелъ человекъ по ландшафту — а между тѣмъ — это цѣлый, какой-то особенный міръ.

Весенніе разливы составляютъ также одну изъ отличительныхъ особенностей Литвы. Въ продолженіе всей зимы снѣгъ накопляется въ тѣни многочисленныхъ лѣсовъ и таетъ только весной. Ручейки и рѣки тогда переполняются водою и превращаются въ потоки. Рѣчные долины становятся обширными озерами, по которымъ несутся громадные льдины. И несмотря на вѣчное повтореніе этой картины, литовцамъ не надоедаетъ смотрѣть на эту игру силъ природы. По воскресеньямъ можно часто видѣть, какъ цѣлыя группы людей съ возвышенностей наблюдаютъ широкую водную поверхность, изъ которой поднимаются холмики, часто — хутора и деревеньки, окруженные несущимися льдинами, между которыми нерѣдко чернѣетъ маленькій челнокъ, пергасъ, управляемый какимъ-нибудь отчаяннымъ смѣльчакомъ — литовцемъ, иногда даже — литовкой.

Такія картины встрѣчаются по Дубиссѣ, Вилии (Нерисѣ), Шешуцѣ, Миниѣ, а также по прибрежной рѣкѣ Балтійскаго моря — Вентѣ. Но величественнѣе всего видъ тѣснящихся массъ льда и воды на Нѣманѣ. Уже подъ Тильзитомъ рѣка производитъ впечатлѣніе широкаго моря; далѣе внизъ, ближе къ устью, это впечатлѣніе еще болѣе усиливается. Разница только та, что здѣсь изъ бѣлой водной поверхности выступаютъ хутора и даже цѣлыя деревни. Ихъ видъ нѣсколько успокаиваетъ зрителя — и однако минутами испытываешь страхъ и находишься въ напряженномъ ожиданіи чего-то страшнаго, что можетъ случиться. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ приходится строить плоты на рукавахъ Нѣмана, этимъ плотинамъ во время весеннихъ разливовъ всегда грозитъ опасность, что вода ихъ снесетъ; населеніе тогда можетъ лишиться не только своего имущества, но и жизни.

Въ Берлинскомъ музеѣ есть великолѣпная картина Г. Шерра, изображающая наводненіе въ Литвѣ.

Многочисленные озера Литвы также придають странѣ особенную прелесть. Они находятся то среди лѣсовъ, то въ открытой равнинѣ, то среди горъ. На ихъ берегахъ встрѣчаются иногда древнія развалины. Стоитъ разъ на нихъ посмотрѣть, и такъ и кажется, будто каждое изъ этихъ озеръ мечтаетъ о быломъ, или же — покоится въ тихомъ ожиданіи какого-то таинственнаго будущаго. Особенно сильно чувствуется это вѣяніе исторіи надъ Трокскими озерами, къ западу отъ Вильно. Суша и вода здѣсь переплелись удивительнымъ образомъ, образовавъ многочисленные проливы и перешейки, усыянные кустами, группами деревьевъ, въ которыхъ скрываются барскіе дома и замки. Высокій тростникъ колышится надъ волнующеюся водной поверхностью. Изъ этой пестрой, подвижной среды поднимаются стѣны древнихъ развалинъ, покрытыхъ уже зеленымъ ковромъ травы около озера; но на одномъ островѣ эти развалины сохранили весь гордый видъ славной старины. И высокая башня стремится вверхъ, какъ-будто послѣдними усилиями борясь съ разрушающимъ дѣйствіемъ времени. Такъ стоятъ эти стѣны, обвѣваемые свободнымъ вѣтромъ лѣсовъ и озеръ, и любуются на зеркальную поверхность свѣлыхъ, зеленыхъ водъ. Но вотъ приближаются вечернія тѣни, и остатки дворцовъ прежнихъ литовскихъ владѣтелей вырастаютъ, какъ привидѣнія, изъ окружающей среды до чудовищныхъ размѣровъ; и въ темной водѣ кругомъ дрожатъ и разливаются золотыя искры отъ отражающихся звѣздъ.

Пустынею Литвы называютъ Куришскую косу, т. е. длинную, узкую полосу земли, отдѣляющую Куришь-Гафъ отъ Балтійскаго моря. Было время, когда здѣсь росли густые лѣса. Грабительская рука вырубилъ ихъ, и мѣста эти обратились въ пустыню съ подвижными песками. Прусское лѣсное вѣдомство въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пытается закрѣпить эту почву, и работы эти дали нѣкоторые результаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются уже прекрасныя роши, и на многихъ пространствахъ почва переплетена вяжущими корнями. Но гораздо чаще и на болѣе обширныхъ пространствахъ встрѣчаются обнаженные желтоватые хребты, которые, продвигаясь все ближе къ Гафу, спускаются въ воду.

Въ высшей степеніи интересно путешествовать по этимъ

дюнамъ наединѣ, въ солнечную погоду. Какое сильное чувство одиночества охватываетъ человѣка! На западѣ—безконечное, синее Балтійское море; на востокѣ—красноватый Гафъ съ полосой далекаго берега. И это—все! Поверхность дюнъ, поднимаемая вверхъ, кружится въ вѣчномъ движеніи, и передъ глазами тихо тянутся длинныя, длинныя, бѣлыя полосы. Если стоять спокойно на мѣстѣ и смотрѣть на гладкую равнину, то можно видѣть, какъ передвигается мельчайшій песокъ, какъ онъ, повинаясь вѣтру, переносится медленно, но непрерывно, какъ въ короткое время покрываетъ свѣжіе, только-что проложенные слѣды. На востокѣ, у берега Гафа дюны нагромождаются въ видѣ высокихъ крутыхъ отвѣсовъ, надъ ихъ гребнемъ дымятся песчанныя облака—и эти кружащіяся массы свертываются внизъ, во влажную глубину Гафа. Такъ переходятъ дюны, направляясь отъ Балтійскаго моря поперекъ косы къ Куришь-Гафу. На своемъ пути онѣ засыпали, понемногу, не одну деревню. Онѣ движутся медленно, очень медленно—еще медленнѣе, чѣмъ стрѣлки на часахъ—но все же онѣ подвигаются впередъ. А когда онѣ сдѣлали свое дѣло, когда онѣ проползли надъ засыпанной ими деревней и упали въ Гафъ,—тогда опять показываются остатки деревни, какъ будто раскрываются могилы. Подобной же участи подвергаются кустарники и деревья; песокъ ихъ душитъ, и они въ немъ разрушаются, распадаются, истлѣваютъ, такъ что на ихъ мѣстѣ въ песокъ остается глубокій, узкій колодезь, и неосторожный путешественникъ можетъ провалиться въ эту предательскую яму. Надо остерегаться также и ключей, бьющихъ въ песокъ. Но это, однако, не очень опасно. И кто хочетъ отдаться сильно и серьезно чувству одиночества, заброшенности—пусть предприметъ путешествіе по дюнамъ; тутъ онъ найдетъ дѣйствительное чувство одиночества, которое проникнетъ до глубинъ его сердца. Тутъ онъ увидитъ какую-нибудь ворону, шагающую по песку, или издали замѣтитъ легкій полетъ чайки вдоль берега.

Безконечность растворяетъ всѣ чувства въ этой безпредѣльной тишинѣ, въ этомъ абсолютномъ одиночествѣ. Но вдругъ путешественника привѣтствуетъ деревушка на зеленомъ берегу Гафа. Голубоватая дымка лѣса приближается медленно; и изъ его тѣни, случается, неожиданно показывается лось съ головой, которая своей формой напоминаетъ о давно-давно минувшихъ временахъ. Далѣе немного попадаются уже и люди, одиночество

исчезаетъ, и путешественникъ какъ-бы пробуждается отъ какого-то глубокаго, страннаго, чуждаго сна.

Геологія страны. Почва Литвы со своими разнообразными матеріалами и формами образовалась, на неизвѣстной подпочвѣ, въ глубинѣ обширнаго моря. Въ неизмѣримо огромные промежутки времени земная поверхность поднимается или опускается: направленіе земной оси медленно мѣняется, и вслѣдствіе этого океаны въ однихъ мѣстахъ катятъ свои волны дальше, впередъ, въ другихъ же мѣстахъ—уходятъ назадъ отъ береговъ. Растворившіеся въ водѣ матеріалы увлекаются ею и отлагаются на успокоившихся глубинахъ. Такимъ образомъ, широко распространенные и иногда могучіе почвенные слои страны могли образоваться изъ различныхъ матеріаловъ. На этихъ пластахъ въ послѣдствіи возникаютъ хребты и возвышенности; между ними рѣки вырываютъ глубокія русла. Основная сила, отъ дѣйствія которой произошли всѣ эти явленія, это—болшія измѣненія температуры, продолжающіяся въ теченіе тысячелѣтій. Такъ, было время, когда Литовскую землю, находившуюся въ періодѣ образования, покрывали громадныя ледяныя массы. Спустившись съ высокихъ горъ Скандинавіи, которыя въ тѣ времена были гораздо выше, чѣмъ теперь, эти ледяныя массы медленно проползли черезъ нашу страну и оставили за собой могучія каменные глыбы, оторванныя ими отъ тѣхъ горъ: въ нашихъ, болѣе теплыхъ, краяхъ ледяныя массы оттаяли и не могли увлечь за собой дальше эти камни. Или же—онѣ отложили принесенныя почвенныя массы. Далѣе онѣ, скользя по землѣ, оставили на ней слѣдъ своего пути. Это происходило два раза. А когда моря и льды исчезли, то остальное dokonчили потоки и рѣки, стремящіяся къ морю. За ними, наконецъ, появились растенія, покрывшія глубокія впадины и горныя высоты. Въ одномъ мѣстѣ на болотистой почвѣ появились мхи, въ другомъ—землю украсили травы. И всѣ они привлекли сюда высшія растенія. Такъ выросли изъ почвы кустарники и древесныя поросли, и медленно поднялись и стали распространяться лѣса.

Съ растеніями показались также и животныя. И формы поверхности и почвы продолжали измѣняться, только не въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ въ прошломъ, и обуславливалось это сравнительно мелкой работой, производимой организующими силами растеній и животныхъ. Второй великій потопъ,

конечно, положилъ конецъ всему этому. Все живое—въ зародышѣ, росткѣ, зеленомъ растеніи—было похоронено. Едва ли кто думалъ когда о цѣнности этого погибшаго подъ водой органическаго міра. Но вотъ могучія морскія волны глубоко подмыли берегъ снизу, освободили драгоценности изъ сокровищницы внизу и выбросили ее на сушу—и теперь литовская дѣвушка украшаетъ себя золотистымъ янтаремъ (по литовски—*гинтарасъ*).

Въ настоящее время особенный характеръ Литвы обуславливается ея лѣсами. Они опредѣляютъ климатъ страны, который, въ зависимости отъ большаго или меньшаго обилія воды, продолжаетъ вліять на измѣненіе поверхности, какъ это было и раньше. Чѣмъ больше исчезаютъ лѣса, тѣмъ слабѣе будутъ ставиться вышеописанныя вліянія природныхъ условій на образованіе почвы и поверхности. Человѣкъ самъ, своимъ умомъ и дѣятельной, разумной волей, будетъ тогда трудиться надъ Литовской землей. Онъ будетъ выравнивать, дѣлать насыпи, строить мосты, рыть каналы. Совсѣмъ другое лицо обратитъ тогда Литовская земля къ небу, совсѣмъ другимъ языкомъ заговоритъ она сердцу своихъ обитателей.

Литовцамъ свойственно задумываться надъ взаимными соотношеніями явленій природы и духовной жизни человѣка и долго останавливаться надъ этого рода вопросами. Это обнаруживается въ народныхъ пѣсняхъ—*дайнахъ*, а также въ сказкахъ и легендахъ литовцевъ. И многіе знатоки исторіи своей земли говорятъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ является и исторіей народа. Такъ, рассказывая объ озерахъ, рѣкахъ и потокахъ, о горахъ и долинахъ, о степяхъ, рощахъ, лѣсахъ, о янтарѣ—литовцы, въ сущности, рассказываютъ только о самихъ себѣ.

То, о чемъ здѣсь говорится, требуетъ болѣе точнаго объясненія. Но рѣшеніе—загадки отношеній между воспринятымъ чувствами образомъ и умственнымъ, духовнымъ представленіемъ нельзя найти ни въ исторіи Литовской земли, ни въ исторіи литовскаго народа; оно все въ исчезнувшемъ прошломъ. Чужія націи грубо и глубоко вторгались въ жизнь литовскаго народа; это продолжается и теперь.

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ.

Литовцы въ семьѣ европейскихъ народовъ. Замѣтимъ, что литовцы вмѣстѣ съ ближайшимъ родственнымъ народомъ—латышами, образуютъ отдѣльную отрасль индоевропейской семьи народовъ. Совершенно лишено основанія такъ часто встрѣчающееся утвержденіе, будто литовцы принадлежатъ къ славянамъ; столь же невѣрно и другое мнѣніе—что ихъ надо отнести къ германской группѣ. Но надо признаться, что, съ одной стороны, въ ихъ характерѣ много чертъ, общихъ германцамъ, а съ другой стороны—что ихъ языкъ ближе къ славянскимъ языкамъ, чѣмъ къ какому-либо другимъ.

Въ прежнее время литовцы имѣли въ семьѣ народовъ родственниковъ: древнихъ пруссовъ, между Роминтой и Вислой, и ядвинговъ, между Вислой и Нѣманомъ. Оба эти народа исчезли, пруссы—въ борьбѣ съ тевтонскимъ рыцарскимъ орденомъ, ядвинги же смѣшались съ поляками.

Есть много указаній на то, что литовцы населяютъ занимаемую ими нынѣ страну съ незанятныхъ временъ. Повидимому, изъ всѣхъ народовъ Европы литовцы были самымъ осѣдлымъ, такъ сказать, усидчивымъ. Къ этому заключенію приводитъ изученіе ихъ языка, нравовъ и обычаевъ, различныхъ чертъ народнаго характера. Человѣкъ кочующій скорѣе измѣняется и воспринимаетъ всегда что нибудь новое. Кто сидитъ дома, тотъ сохраняетъ въ чистотѣ свои особенности. Однакожъ слѣды литовцевъ въ Россіи можно найти далеко къ востоку, до самаго Урала. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что литовцы все-таки совершили небольшое переселеніе, по движенію солнца, съ востока къ западу, къ Балтійскому морю, можетъ быть, тѣснимые другими народами, можетъ быть—повинуясь стремленію къ новизнѣ. Возможно также, что часть литовцевъ, которая жила тамъ, была впитана окружающими народностями и растворилась въ нихъ.

Несомнѣнно, литовцы въ свое время находились въ нѣкоторомъ сопрякосновеніи съ готами; на это указываютъ, между прочимъ, расположеніе избъ въ поселеніяхъ литовскихъ и особія названія хлѣбовъ для различныхъ домашнихъ животныхъ. Какъ и у готовъ, у литовцевъ есть *karbude*, *abude* (коровникъ-овчарня) и пр.

Религія и общественный укладъ въ древней Литвѣ. Едва ли выдерживаетъ критику столь распространенное мнѣніе, что въ сѣдую старину люди, въ сравненіи съ теперешними знаніями, ошупывали свой путь въ темнотѣ, какъ слѣпые. Правда, человѣкъ мыслить иначе, смотрѣлъ другими глазами на жизнь и природу. Но еще большой вопросъ—насколько онъ былъ, да и былъ ли онъ вообще дальше отъ истины, чѣмъ теперь. Тутъ нельзя примѣнять масштабъ подчиненія себѣ силъ природы и управленія ими, ибо человѣкъ древнихъ временъ совсѣмъ другое имѣлъ въ виду, и, безъ всякаго сомнѣнія онъ былъ способенъ къ болѣе тонкимъ наблюденіямъ и ощущеніямъ. Въ особенности примѣнимо это въ области религіи: въ нашихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ мы должны быть вдвойнѣ осторожны. Фанатизмъ видѣть во всякомъ инако-мыслящемъ человѣкѣ низшее существо. О религіи литовцевъ рассказывали какія-то странныя, чудовищныя сказки. И только въ видѣ исключенія можно встрѣтить мнѣніе, признающее существованіе настоящей религіи въ тѣ суровыя вѣка.

До нѣкоторой степени не ошибемся, если скажемъ, что въ центрѣ древней литовской религіи стоялъ огонь, какъ символъ Божества. До сего дня еще литовець охотно говоритъ о священномъ огнѣ и теперь еще онъ чувствуетъ какое-то благоговѣніе передъ нимъ. И сейчасъ еще можно видѣть литовскую семью, сидящую вокругъ очага и молча, съ какою-то будто религіозною сосредоточенностью наблюдающую, какъ съ трескомъ горитъ въ немъ огонь. Въ литовскомъ языкѣ одно и то же слово *гайерасъ* обозначаетъ и зарево пожара и вѣнецъ славы.

Еще до самыхъ послѣднихъ десятилѣтій очагъ былъ мѣстомъ, гдѣ собиралась вся семья у литовцевъ. Въ прежнее время огонь вечеромъ засыпали золой, а утромъ опять освобождали отъ нея. Эту обязанность исполняла старшая въ семьѣ—мать, бабушка или прабабушка; при этомъ она произносила особыя молитвенныя изрѣченія.

Поклоненіе огню, конечно, можетъ имѣть очень естественное основаніе. Легко понять, что въ сырыхъ и суровыхъ мѣстностяхъ огонь являлся чѣмъ-то очень драгоценнымъ; притомъ—часто было нелегко его разжечь. Такимъ образомъ, неудивительно, если болѣе округъ заботился объ особо охраняемомъ

огнѣ, и что мѣсто, гдѣ хранили тотъ огонь, было священнымъ для всей области, точно такъ же, какъ домашній очагъ былъ мѣстомъ семейнаго культа.

Однако, огонь имѣлъ значеніе и какъ предметъ религіознаго поклоненія; объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся до сихъ поръ названіе мѣста поклоненія огню въ одномъ округѣ: **Ромува** (въ славянской передѣлкѣ — **Ромове**), происходящее, очевидно, отъ слова **рамусъ** или **ромусъ** — покойный, мирный. Мѣсто это, очевидно, было мѣстомъ освященнымъ. Надо думать, что это была не единственная Ромува — было ихъ нѣсколько. Вполнѣ возможно, однако, что высшій хранитель одной ромувы пользовался большимъ авторитетомъ, чѣмъ другіе его коллеги — хранители другихъ такихъ же ромувъ. Названіе жреца—**криве**, происходящее отъ корня **ир**, который содержится также и въ латинскомъ словѣ **creare**, (творитъ, создавать), — указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что высшему жрецу приписывалась сверхъестественная сила. Названія другихъ служителей и служительницъ при святыняхъ допускаютъ предположеніе, что они выполняли функціи жрецовъ, учителей и судей; но эти названія не исключаютъ отношенія къ чему-то сверхъестественному для всѣхъ ихъ. И надо сказать, что именно потому религіозная власть была одновременно и соціальной, политической. Только впоследствии, постепенно и понемногу политическая власть сначала выдѣлилась особо и потомъ уже превзошла религіозную. Можетъ-быть, на это указываютъ сходныя названія для обозначенія жреца и князя—**кунигасъ** и **кунигайштисъ** (господинъ по-латышски **кунгсъ**). Не заимствовано ли это отъ сѣверныхъ народовъ? На извѣстную связь съ сѣверогерманскимъ указываетъ также слово **рагана** (колдунья). Связь между членами данной группы населенія основывалась на принадлежности ихъ къ одной Ромувѣ. И хотя эта послѣдняя была связана съ неподвижными дубами, подъ которыми, по преданію, сохранялся священный огонь,— все же это не было божествомъ мѣстнымъ, какъ у другихъ народовъ сѣдой старины. У литовцевъ сохранилась арійская черта—стремленіе къ универсальности. Огонь всюду могъ найти мѣсто, молнія всюду могла зажечься.

Много еще рассказываютъ о поклоненіи змѣямъ и конямъ; нѣтъ сомнѣнія, доля правды есть и въ этомъ. Всеобщая исторія религіи вообще еще очень мало пролила свѣта на вопросъ о религіяхъ, и намъ здѣсь достаточно будетъ указать, что древніе

народы гораздо живѣе чувствовали дѣйствующія въ животныхъ и природѣ силы и ихъ особенности. Доказательствомъ тому служить прирученіе и дрессировка животныхъ, а также — что еще важнѣе — открытіе и использование питательныхъ растений. Человѣчество въ теченіе весьма продолжительнаго періода не сумѣло прибавить почти ничего къ тому, что было извѣстно нашимъ предкамъ въ тѣ старыя вѣка. Нынѣшнее время только слабо подражаетъ тому, что дѣлали древніе. Живая сила имѣла для нихъ большее значеніе, чѣмъ для насъ; мы теперь начинаемъ только объ этомъ догадываться. Необходимо однако замѣтить, что взаимоотношенія людей, а также отношенія ихъ къ существамъ низшимъ выражались въ болѣе суровыхъ и грубыхъ формахъ.

Укажемъ, наконецъ, еще на поклоненіе солнцу у литовцевъ. Солнце они называли Дочерью Бога. Солнечный блескъ и свѣтъ, утренняя заря и вечернія сумерки часто являются предметами поэтическихъ переживаній въ дайнахъ (пѣсняхъ). Въ противоположность этому бросается въ глаза то непонятное явленіе, что луна и лунный свѣтъ упоминаются въ нихъ только мимоходомъ. Нѣкоторые ученые (какъ напр. Липпертъ) рассказываютъ еще многое о культѣ предковъ литовцевъ. Но не будемъ клоняться отъ главнаго предмета.

Политическая исторія Литвы.

Древнѣйшая исторія Литвы рассказываетъ о тяжелой борьбѣ, которую должны были вести литовцы. Литовскіе князья были славными героями. Русскій лѣтописецъ Несторъ, кievскій монахъ, рассказываетъ, что литовцы въ XI столѣтіи были побиты русскими; но вся дальнѣйшая исторія указываетъ, что литовцы далеко превосходили русскихъ, особенно же — съ тѣхъ поръ, какъ Римгаудасъ соединилъ въ одно государство разьединенную до него и находившуюся подъ властью многихъ князей Литву. Римгаудасъ разбилъ на востокѣ русскихъ, равно какъ на сѣверѣ — рыцарей ордена Меченосцевъ, во многихъ рѣшительныхъ сраженіяхъ. Что касается Тевтонскаго рыцарскаго ордена — то Римгаудасъ, повидиму, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Римгаудасу наследовалъ Ардвила, давшій въ 1242 году татарамъ кровопролитное сраженіе, изъ котораго вышелъ побѣдителемъ, освободивъ такимъ образомъ русскихъ, попавшихъ подъ власть татаръ. Этотъ князь Ардвила, по преданію, основалъ городъ Новогрудокъ (по-литовски Науяшильс), развалины котораго сохранились до настоящаго дня. Вскорѣ началась борьба между Литвой и Тевтонскимъ орденомъ.

Миндаугисъ, преемникъ Ардвилы, княжилъ въ Литвѣ болѣе 20 лѣтъ. Онъ принялъ христіанство, вмѣстѣ съ боярами своего государства. Этотъ фактъ обыкновенно почему-то замалчивается; однако, онъ имѣетъ большое значеніе для того, чтобы составить правильное сужденіе о значеніи крещенія литовцевъ — событія, случившіеся спустя 100 съ лишнимъ и которое признано всеми историками.

Произошло это въ 1252 году; и въ это самое время Миндаугисъ получилъ въ Новогрудкѣ, въ присутствіи великаго Мастера Тевтонскаго рыцарскаго ордена, королевскую корону изъ рукъ папскаго нунція. Это обстоятельство должно быть подчеркнуто: съ тѣхъ поръ Литовскіе князья имѣютъ королевское достоинство.

Миндаугисъ основалъ епископство въ окрестностяхъ Вильно. Одинъ изъ его сыновей былъ даже монахомъ. Однако, странъ все еще не былъ возвращенъ миръ. Скоро литовскія племена увидѣли себя вынужденными снова воевать съ орденомъ. Въ 1281 Миндаугисъ разбилъ громадное войско тевтонцевъ въ кровопролитномъ сраженіи. Одновременно съ этимъ поднимаются про-

тивъ рыцарей и пруссы. Какъ разъ въ это время король Миндаугисъ падаетъ отъ руки убійцы. За этимъ слѣдуютъ междоусобныя войны, которыя свирѣствовали въ Литвѣ въ теченіе 20 лѣтъ сряду. Прусссы, такимъ образомъ, остались одни въ ихъ борбѣ съ тевтонцами. Наконецъ, Витенису удается захватить власть въ Литвѣ. Онъ выступаетъ противъ Тевтонскаго ордена, который послѣ подчиненія пруссовъ обратилъ свое оружіе противъ литовцевъ. При рѣчкѣ Трейде Витенисъ разбилъ тевтонцевъ въ 1294 году.

Преемникомъ Витениса былъ Гедминасъ. Онъ является, можетъ быть, самымъ могущественнымъ изъ литовскихъ владѣтелей. Столицей своей онъ выбралъ городъ Вильно. Онъ велъ со всѣмъ другую политику, чѣмъ его предшественники. Онъ вполне сознательно открываетъ свою страну влияніямъ Западной Европы, приглашаетъ къ себѣ художниковъ и мастеровъ, францисканцевъ и доминиканцевъ. Онъ поддерживаетъ распространеніе католической церкви, но также и — православной. Въ Вильно рядомъ съ языческими храмами скоро появились также церкви различныхъ христіанскихъ исповѣданій. И литовцы — а прежде всего ихъ князья — познакомились съ разными богослуженіями. Распространенію христіанства не ставили рѣшительно никакихъ преградъ. Однакожъ, самъ Гедминасъ остался некрещенымъ. Когда были сдѣланы уже всѣ приготовления къ его крещенію — ибо думали, что король склоненъ дать себя крестить — онъ, какъ рассказываютъ, сказалъ: „Если я когда-либо имѣлъ намѣреніе креститься — то пусть чортъ меня крестить. Христіане служатъ Богу по своему — русскіе имѣютъ свой обрядъ, поляки свой; мы почитаемъ Бога по нашему. Но вѣдь у всѣхъ насъ только одинъ Богъ! Что вы рассказываете мнѣ о христіанахъ! Гдѣ вы найдете больше богохульства, несправедливости, насилій, продажности, ростовщичества, чѣмъ у христіанъ? И особенно — тѣхъ, которые сами какъ-будто духовныя лица, какъ Меченосцы!“ (Шманнъ, „Россія, Польша, Лифляндія“; цитируемъ по Францу Тетцману). Это сужденіе великаго человѣка свидѣтельствуетъ, что онъ былъ очень далекъ отъ всякихъ предразсудковъ, всякихъ предубѣжденій въ отношеніи религій. Надо думать, что оно было высказано около 1300 года. Изъ него можно сдѣлать заключеніе, что литовцы тогда понимали религію болѣе внутренне, чѣмъ окружавшіе ихъ народы.

Между тѣмъ, Тевтонскій орденъ продолжалъ войну противъ

Литвы. Гедминасъ жаловался на нихъ въ 1323 году римскому папѣ, но безъ успѣха; и онъ былъ вынужденъ защищаться силою оружія. Это ему и удалось. Орденъ не имѣлъ успѣха въ войнѣ противъ Гедминаса, которому удалось расширить свои владѣнія на востокъ до Днѣпра, на югъ — почти до самаго Чернаго моря. Онъ укрѣпилъ свои новыя владѣнія, основалъ много новыхъ крѣпостей, снабдилъ старыя крѣпкими стѣнами изъ жженого кирпича, и. т. д. Одно только онъ упустилъ изъ виду подобно своимъ предшественникамъ, онъ не позаботился о томъ, чтобы создать литовскую національную культуру.

Послѣ смерти Гедминаса въ государствѣ опять начались смуты, которыя окончились тогда только, когда оба его сына Альгирдасъ и Кенстутисъ, пришли къ соглашенію, чтобы вмѣстѣ управлять Литвой; что они и исполняли съ истинно-братскими единомысліемъ.

Старшій изъ братьевъ, Альгирдасъ, взялъ себѣ восточную часть Литвы. Онъ жилъ то въ Вильно, то въ укрѣпленномъ замкѣ Мѣдникахъ, къ востоку отъ Вильно. Дворъ Альгирдаса находился всецѣло подъ русскимъ влияніемъ. Вторая и третья супруги его были русскія княжны. Обиходнымъ языкомъ въ домѣ Альгирдаса, поэтому, былъ русскій, вѣрнѣе — бѣлорусскій языкъ. Несмотря на это, Альгирдасъ политически былъ совершенно независимъ отъ Москвы — наоборотъ: онъ нѣсколько разъ разбилъ русскихъ, и даже три раза вступалъ въ Москву побѣдителемъ.

Кенстутисъ управлялъ западной Литвой. Онъ былъ женатъ на Бирутѣ, дочери одного благороднаго литовца. По преданію, Бирута до своей свадьбы была вайделутой (литовской весталкой, хранительницей священнаго огня) на горѣ близъ Палангена. Когда Кенстутисъ впервые ее увидѣлъ, то такъ былъ пораженъ ея красотой, что тутъ же рѣшилъ на ней жениться, и ввелъ ее, какъ жену, въ свой домъ. До сего дня еще гора та около Палангена называется горой Бируты. Имя Бируты до сихъ поръ еще живетъ въ памяти литовцевъ; изъ устъ въ уста передаются пѣсни и легенды о ней. И въ продолженіе столѣтій литовцы предпринимали и теперь еще предпринимаютъ путешествіе къ священной горѣ Бируты, которая высится на самомъ берегу Балтійскаго моря. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вѣкогда горѣлъ священный огонь, въ настоящее время стоитъ часовня съ иконой Св. Маріи. А на сѣверномъ склонѣ горы есть гротъ со статуей Маріи; эту статую воздвигъ графъ Тышкевичъ, владѣлецъ Па-

лангена, въ явное подражаніе Лурду. Литовскіе пилигримы ожидаютъ благодати и исцѣленія недуговъ отъ этого образа Св. Маріи.

Кенстутисъ жилъ въ Ковно и въ замкѣ на Троцкомъ озерѣ (этотъ замокъ былъ построенъ Гедминасомъ). Кенстутисъ завелъ при своемъ дворѣ другіе порядки, чѣмъ при дворѣ Альгирдаса: тутъ, у Кенстутиса, господствовалъ литовскій языкъ. Отъ брака съ Бирутой у Кенстутиса родилось шесть сыновей. Народъ питалъ неограниченную любовь и уваженіе къ княжеской четѣ. Кенстутисъ, въ гораздо большей мѣрѣ чѣмъ его братъ Альгирдасъ, является національнымъ героемъ литовцевъ; эта приверженность народа къ дому Кенстутиса очень ясно обнаружилась въ позднѣйшія, болѣе бурныя времена.

Кенстутисъ долженъ былъ защищать сѣверныя и западныя границы Литвы отъ нападений тевтонскихъ рыцарей. Не всегда имѣлъ онъ удачу въ этой борьбѣ; недаромъ же противникомъ его былъ Виррихъ фонъ-Книпрде. Однажды Кенстутисъ попалъ даже къ нему въ плѣнъ; однако, ему удалось ѣхать изъ плѣна. Характерно для Кенстутиса его посланіе къ Великому Мастеру по этому поводу: „Благодарю васъ за вашъ хорошій приемъ. Однако, если бы я имѣлъ счастье угощать васъ такимъ образомъ,—то лучше бы васъ уберечь“.

Самымъ тяжелымъ ударомъ для Кенстутиса была потеря Ковно. Защищаль этотъ городъ сынъ Кенстута, Вайдотасъ. Тщетно пытался Кенстутисъ выручить городъ—или спасти его посредствомъ переговоровъ съ Великимъ Мастеромъ тевтонскаго ордена. Когда крѣпость не могла больше держаться, Вайдотасъ рѣшилъ пробиться съ 36 хорошо вооруженными всадниками сквозь ряды тевтонцевъ. Онъ попалъ въ плѣнъ. Оставшіеся въ крѣпости защитники сами подожгли ее и нашли смерть въ пламени. Утромъ въ Пасху 1362 года, на глазахъ тевтонскаго войска, пламя превратило крѣпость въ груды развалинъ. Ковно пало, а рыцарское войско запѣло гимнъ „Христось воскресе!“

Несмотря на потерю Ковно, Литва именно во время правленія Альгирдаса и Кенстутиса достигла своего наибольшаго расцвѣта; она тогда простиралась отъ Балтійскаго моря до Чернаго.

По смерти Альгирдаса, въ 1377 году, сынъ его Ягайла пытался съ помощью Тевтонскаго ордена захватить власть надъ всей Литвой. Борьба долгое время имѣла перемѣнный успѣхъ, пока, наконецъ, вслѣдствіе чрезвычайно большаго довѣрія со сто-

роны Кенстутиса, Ягайлѣ удалось захватить его въ плѣнъ вмѣстѣ съ его старшимъ сыномъ Витаутасомъ (въ 1382 году). Обоихъ плѣнниковъ привезли въ замокъ Крево. Черезъ нѣсколько дней престарѣлый Кенстутисъ былъ найденъ задушеннымъ въ темницѣ. Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе и предупредить взрывъ народнаго неудовольствія, Ягайла велѣлъ перевезти тѣло Кенстутиса въ Вильно и тамъ, какъ это было въ обычаѣ для князей, сжечь его на конѣ въ полной боевой сбруѣ.

Витаутасу, съ помощью своей супруги, удалось ѣхать изъ плѣна. Онъ обратился за помощью въ борьбѣ за отцовскій престолъ сначала къ своему родственнику—герцогу Мазовецкому, потомъ—даже къ Тевтонскому ордену. Послѣдній оказалъ ему помощь, выговоривъ себѣ предварительно большія выгоды. Однако, только послѣ того, какъ Ягайла получилъ виды на польскую корону, онъ примирился съ Витаутасомъ, который оказался настолько благоразумнымъ, что удовлетворился южной частью княжества.

Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Ягайла предоставилъ Литву своему брату Скиргайлѣ. Этотъ послѣдній, однако, оказался неспособнымъ къ управленію. И вотъ, въ 1392 году, Витаутасъ получилъ, наконецъ, престолъ своихъ предковъ. Въ это время Польша стала оказывать замѣтное вліяніе на Литву. Набожная христіанка, ревностная католичка, королева Гедвига (Ядвига), супруга Ягайлы, побудила своего мужа издать приказъ разрушить всѣ старинныя языческія святилища и потушить священные огни. Самъ Ягайла проповѣдывалъ просвѣщеніе. Что его проповѣдь не осталась безъ вліянія—надо приписать, конечно, тому обстоятельству, что въ своемъ князѣ народъ все еще видѣлъ верховнаго жреца.

Со вступленіемъ на престолъ Витаутаса польское вліяніе сразу прекратилось. Витаутасъ получилъ хорошее образованіе, подѣ руководствомъ Ганно фонъ-Винденгейма; говорилъ по-нѣмецки и по-латыни. Въ своихъ путешествіяхъ по странамъ южной и западной Европы онъ познакомился съ западной культурой. По отношенію къ ученіямъ разныхъ церквей и исповѣданій онъ былъ очень свободенъ и независимъ. Черезъ своего посла онъ рѣшительно протестовалъ противъ сожженія Гусса. Принадлежность къ тому или другому христіанскому исповѣданію онъ считалъ одною только формальностью. Однако, онъ, повидимому, сильно симпатизировалъ ученію Гусса.

Онъ неуклонно преслѣдовалъ планъ культурнаго развитія своего народа.

Но не удалось ему осуществить съ достаточной энергіей свои стремленія. Политическія обстоятельства того времени слишкомъ много поглощали его вниманіе. Литва, такимъ образомъ, оставалась подверженной, безъ всякаго почти противодѣйствія, русскому, нѣмецкому и польскому вліяніямъ, пока послѣднее, наконецъ, не взяло рѣшительно верхъ.

Между тѣмъ, Витаутасъ значительно усилилъ политическую мощь Литвы. Неоднократно улаживалъ онъ конфликты между татарскими и русскими князьями. Въ его замкѣ, въ Лидѣ, находили гостепріимное убѣжище различные бѣглые татарскіе ханы.

Одно изъ мѣропріятій Витаутаса, однако, имѣло результатомъ ослабленіе литовской націи. Онъ посылалъ литовскихъ дворянъ въ отдаленныя области, населенныя не-литовцами. Эти литовскіе дворяне, будучи совершенно изолированы въ чужой странѣ, скоро растворились въ новой средѣ и, такимъ образомъ, совершенно погибли и для своего народа. Тѣмъ больше выигрывало и усиливалось польское вліяніе въ Литвѣ. Литовское дворянство усвоило польскіе нравы и польскій языкъ. Правда, литовскія сословія ревниво оберегали свою политическую независимость по отношенію къ Польшѣ; но при все большемъ усиленіи польской культуры это имѣло чисто формальный характеръ. И Польша уже тогда смотрѣла на Литву, какъ на принадлежащую ей область. Въ исторіи Витаутасъ считается, въ большей или меньшей степени, вассаломъ польскаго короля. Однако, Витаутасъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно. Въ договорѣ 1422 года съ Тевтонскимъ орденомъ была установлена нынѣшняя граница между Великою Литвою и прусскою частью Литвы. Отношенія литовскаго князя къ германскому императору и другимъ европейскимъ государямъ были опредѣлены по этому трактату, какъ равнаго съ равными; однимъ словомъ—литовскій князь по этому трактату является независимымъ, сувереннымъ монархомъ. Но поляки устраивали Витаутасу, литовскому государю, всякія непріятности и козни. Витаутасъ умеръ въ престарѣломъ возрастѣ, въ 1430 году, упавъ съ лошади.

Окончательно было установлено отношеніе Литвы къ Польшѣ Люблинскимъ трактатомъ 1569 года. Литва вступила въ унію съ Польшей и раздѣляла съ послѣдней ея участь до ея гибели. Литва попала почти вся, а Польша—большою частью—подъ

русское владычество. Но, несмотря на это, въ Литвѣ все усиливалось не русское, а польское вліяніе.

Всегда были литовцы, которые противодѣйствовали этому вліянію. Однако, ихъ число стало значительно больше только тогда, когда Польша пошла навстрѣчу своей гибели. И русскій гнетъ въ 60-ыхъ годахъ XIX вѣка окончательно пробудилъ въ литовскомъ народѣ національное самосознаніе. Несмотря на то, что литовцы распадаются на множество партій и группъ,—весь литовскій народъ одушевленъ мыслью, что спасеніе его—въ сохраненіи своихъ особенностей и созданіи собственной, національной культуры.

Древне-литовскія особенности въ жилищѣ, одеждѣ и обычаяхъ.

Деревня, дворъ и домъ. Въ старину литовцы жили, какъ бы въ сазахъ. Небольшія пространства обитаемой земли были окружены свободными, никому не принадлежавшими полями или густыми лѣсами. Планъ тогдашней деревни также былъ не такой, какъ въ наше время. И теперь еще можно нрѣдко встрѣтить старую литовскую деревню, которая и знать не хочетъ о расположеніи дворовъ вдоль улицы.

Въ древне-литовской деревнѣ каждое хозяйство совершенно обособлено и имѣетъ особый подъѣздъ. Постройки расположены посреди сада, окруженнаго, въ свою очередь, рядами березъ, елей, дубовъ, а въ песчаныхъ мѣстахъ—сосенъ. Такой хуторокъ поэтому называется **содибой**, т. е. садомъ. И въ народной пѣснѣ очень часто говорится о сверкающихъ окнахъ и бѣлыхъ стѣнахъ отцовскаго дома, мелькающихъ среди зелени окружающихъ деревьевъ.

Литовскій хуторъ въ древнее время состоялъ, какъ свидѣтельствуеетъ Преторіусъ, изъ цѣлаго ряда построекъ, число которыхъ доходило до 20. Характернымъ является тутъ группировка построекъ, расположеніе разныхъ службъ вокругъ жилого дома—**намаса**.

Хуторъ предковъ автора настоящихъ очерковъ (это относится къ 1850 году) имѣлъ слѣдующее расположеніе. По самой срединѣ сада стояло главное строеніе—жилой домъ, **намасъ**. По одну сторону **намаса**, приблизительно въ 10 метрахъ отъ него, находилась двухэтажная **клете** съ широкой верандой, на которую поднимались по нѣсколькимъ каменнымъ ступенькамъ. **Клете** окружали **клены** и березы. Далѣе, около **клете** находилось строеніе съ помѣщеніями для всевозможныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, для ручной мельницы, и т. д. Внизу были подвалы, куда вели каменные ступени. Около этой постройки находилось болѣе значительное пространство, обнесенное плетнемъ изъ ивовыхъ прутьевъ; посрединѣ этого пространства былъ прудъ, въ лѣтнее время окаймленный зеленью. Днемъ это было излюбленнымъ мѣстомъ для домашней птицы; ночью ее загоняли въ **птачникъ**, или **куратникъ**, за прудомъ.

По другую сторону главнаго зданія выходила большая часть фруктоваго сада. Его прорѣзывала по самой срединѣ дорожка къ колодцу, за которымъ раскинулось отдѣлявшееся отъ него заборомъ обширное, поросшее зеленой травой пространство—**дворъ**, къ которому примыкали различныя помѣщенія для скота, какъ-то: конюшни, хлѣва для коровъ, овецъ и т. д.

Около фруктоваго сада были устроены **конопляникъ** и **огородъ** для хмеля. Тутъ же помѣщались и многочисленныя **ульи**. Въ направленіи жилого дома, за садомъ, въ значительномъ отдаленіи, совершенно уединенно стояли **яуе**—гумно для молотбы хлѣба, и **пирте**—баня. Непосредственно за ними протекала **Мяня**. Въ сторонѣ отъ конюшенъ находилось еще нѣсколько построекъ, въ которыхъ помѣщались семьи женатыхъ батраковъ или же—просто жильцы.

Въ настоящее время едва ли гдѣ можно встрѣтить подобное расположеніе. Даже хуторъ, о которомъ мы здѣсь говорили,—и онъ мало-по-малу измѣнился въ томъ направленіи, которое является характернымъ для расположенія нѣмецкаго (франконскаго) хутора.

Самая интересная постройка въ литовскомъ хуторѣ—это **клете**, въ иныхъ мѣстахъ называемое **смирне**. Не-литовцы называютъ его обыкновенно **кладовою**. Дѣйствительно, помѣщенія въ **клете** употребляются, какъ склады для разнаго рода имущества. Несмотря на то, что литовскій крестьянинъ, какъ и всякій другой крестьянинъ, очень дорожитъ своимъ трудомъ и накопленнымъ потомъ добромъ, въ самой основѣ **клете** лежитъ совершенно другая мысль. На это указываетъ уже одинъ своеобразный стиль его, колонны и рѣзныя украшенія. Въ народныхъ пѣсняхъ **клете** занимаетъ видное мѣсто, стоитъ въ центрѣ, такъ сказать, жизни души. Взрослыя дочери хозяевъ имѣли въ **клете** свои спальни. На верандѣ **клете** онѣ занимались своимъ рукодѣльемъ. Около **клете** находился **цвѣтникъ**, здѣсь **лѣтомъ** дѣвушки рвали каждый день свѣжія руты. Но дочери не были для крестьянина цѣнностью, какъ хлѣбъ или полотно—нѣтъ, развѣ только въ очень древнія времена. Въ пониманіи литовца **клете** должно было служить ему для того, чтобы сохранять все то, что онъ приобрѣлъ своимъ тяжкимъ трудомъ, любовной заботой и старательнымъ уходомъ, чему онъ посвящалъ всѣ свои силы и вниманіе. Въ этомъ смыслѣ мечтаетъ также юноша, въ народной пѣснѣ, о возлюбленной дѣвушкѣ въ высокомъ **клете**,

Клете — это мѣсто, вокругъ котораго вращаются всѣ мысли и чувства, для котораго собственноощущуетъ вся содиба, весь хуторъ и изъ котораго образуются новый хуторъ и новая семья.

Собственно жилой домъ большею частью строился, какъ и прочія зданія, изъ дерева. Это вполне понятно, ибо страна была богата дѣсомъ. Соединеніе бревенъ для кладки стѣнъ—такое же, какъ и вездѣ. Характернымъ для литовца является однако, распределеніе комнатъ внутри дома. Отъ небольшого крыльца ведетъ широкая дверь въ большую комнату, въ которой съ противоположной стороны имѣется еще одна дверь. Эту большую комнату можно было бы принять за сѣни, но мебель въ ней указываетъ на другое ея назначеніе. По стѣнамъ развѣшана всевозможная домашняя утварь. У одной боковой стѣны, около ея середины, находится большой низкій очагъ съ громаднымъ копакомъ, думлакасомъ, т. е. дымоотводомъ (отъ думасъ, дымъ, и ламинти, дать улетѣть). Рядомъ съ этой срединной комнатой находятся двѣ боковыя, занимающія оба конца дома; эти обѣ комнаты нерѣдко еще раздѣляются каждая на двѣ части. Окна въ стѣнахъ маленькія, какія бываютъ обыкновенно въ крестьянскихъ избахъ у всѣхъ народовъ. (Мы съ сожалѣніемъ прибавлемъ это послѣднее замѣчаніе, которое является необходимымъ, ибо въ настоящее время развелось много авторовъ, которые, описывая Литву, бессмысленно выдаютъ эти маленькія окна, какъ и многое другое, за характерную для литовцевъ особенность. Оконныя рамы большею частью бѣлыя, ставни—зеленыя или голубыя. Но и это еще не является особенностью литовцевъ.)

Указанное раздѣленіе литовской избы на три комнаты не первобытнаго происхожденія. Описанія, относящіяся къ предшествующимъ вѣкамъ, единодушно свидѣтельствуютъ, что литовскія избы прежде всегда заключали одну только комнату. Этимъ объясняется, между прочимъ, то, что до настоящаго времени еще названіе комнаты служить также для обозначенія названія цѣлаго дома, и наоборотъ.

Наидревнѣйшая составная часть трехкомнатной избы—это намасъ, домъ, т. е. комната съ очагомъ. Въ древнѣйшихъ нѣмецкихъ описаніяхъ эта часть называется также курною избой. Очагъ тогда стоялъ посрединѣ комнаты. На очагѣ всегда горѣлъ огонь. Такая изба была сборнымъ пунктомъ для всего хутора; здѣсь собирались всѣ члены семьи, которые имѣли свои помѣщенія и смяльни въ другихъ, отдѣльныхъ избахъ. Трудно сказать,

представлялъ ли этотъ домашній очагъ копію, подражаніе мѣсту религіознаго культа литовцевъ, или же—наоборотъ—онъ самъ былъ первообразомъ—его. До сего дня еще нѣкоторыя семьи—(правда, въ отдѣльныхъ лишь случаяхъ) совершаютъ, но только втихомолку, религіозные обряды у своего домашняго очага.

Другія комнаты литовской избы представляютъ собою не что иное, какъ стоявшія раньше отдѣльно, а впоследствии, такъ сказать, перенесенныя подъ общую крышу мастерскія, спальни и другія жилыя комнаты. Такъ, на примѣръ, рабочая комната, гдѣ женщины имѣли свои прялки и ткацкіе станки, а мужчины—различныя свои орудія и инструменты, сдѣлалась жилой комнатой. Около печи устраивалась въ стѣнѣ ниша, въ которой зимою варили пищу на переносномъ очагѣ, при чемъ дымъ уходилъ въ трубу, продѣланную въ стѣнѣ. Прежняя спальня у многихъ семей обратилась въ свѣтлицу или горницу, гдѣ принимаютъ гостей.

Въ настоящее время можно еще часто наблюдать, какъ охотно литовецъ разгораживаетъ ту или другую комнату. Старая вкоренившаяся склонность литовца строить себѣ возможно больше домовъ сказывается и теперь еще въ томъ, что онъ старается устроить себѣ возможно больше комнатъ, хоть и маленькихъ—эволюція знаменательная въ психикѣ литовца и заслуживающая вниманія изслѣдователя. Литовецъ теперь всегда почти называетъ свой домъ намай (множественное число отъ слова *namas*, домъ); повидимому, это имѣетъ связь съ тѣмъ, что теперешній домъ литовскій составилъ изъ многихъ, прежде отдѣльныхъ домовъ.

Внутри литовской крестьянской избы не такъ легко уловить специально-литовскія характерныя черты, какъ это представляетъ домъ въ цѣлости; ибо тутъ историческая сущность дѣйствовала и проявлялась въ едва замѣтныхъ подробностяхъ и мелочахъ. Потолокъ и стѣны обшиты большею частью досками, полъ тоже досчатый. Вдоль стѣнъ стоятъ деревянныя лавки, у одного конца—большой чисто-вымытый столъ. Около дверей находится большая печь, обнесенная кругомъ скамьей, въ родѣ широкой лежанки, на которой можно сидѣть; или же печь окружаетъ деревянная скамья. Къ потолку привѣшена на суку продолговатая корзина изъ березовыхъ прутьевъ; это лопшисъ, колыбель младенца. Лопшисъ можетъ удобно качаться вверхъ и внизъ на гибкомъ сучкѣ, на которомъ виситъ. Лопшисъ—довольно глубокой, онъ привѣшенъ къ сучку на многихъ шнуркахъ, которые связали и

переплетена между собою такъ, что образуютъ какъ бы сѣть, и предохраняютъ такимъ образомъ ребенка отъ выпаденія изъ колыбели.

Большая часть предметовъ въ комнатѣ украшена рѣзбой и расписаны всевозможными рисунками. Этимъ искусствомъ литовцы славились съ древнѣйшихъ временъ. Уже въ XVIII вѣкѣ одинъ писатель, говоря объ искусствѣ литовцевъ и ихъ способности къ разнымъ ремесламъ, приводитъ слѣдующую поговорку: „литовець отправляется въ дѣсь верхомъ, а возвращается въ повозкѣ“.

Литовская утварь. Изъ множества различной утвари, которая находится въ домашнемъ употребленіи у литовцевъ, назовемъ только тѣ предметы, которые носятъ на себѣ чисто-литовскій отпечатокъ. Конечно, такой отпечатокъ можно найти также и въ столахъ, кроватяхъ, шкафахъ, и т. д. и т. д.; но въ этихъ предметахъ очень трудно отличить обще-крестьянскіе элементы отъ специфически-литовскихъ. Несмотря на это, необходимо обратиться къ предметамъ обстановки крестьянскаго дома, ибо крестьянская среда сохранила старинное и національное въ чистѣйшемъ видѣ.

Упомянемъ здѣсь, прежде всего, предметы, которые особенно рѣзко бросаются въ глаза въ литовскихъ областяхъ: это — надгробные памятники. Они представляютъ большею частью деревянные кресты; есть, впрочемъ, много выкованныхъ изъ желѣза. Многіе изъ этихъ памятниковъ имѣютъ особенную форму, бросающуюся въ глаза. Безъ сомнѣнія, такіе памятники не лишены значенія для изученія литовскихъ древностей; во всякомъ случаѣ — они имѣютъ связь съ мистическими представленіями литовцевъ. Заслуживаетъ вниманія изображеніе формъ человѣческаго тѣла, затѣмъ — часто встрѣчающіяся фигуры разныхъ птицъ снаверху, и треугольникъ, завершающій памятникъ. Тутъ сказывается также склонность литовца къ яркимъ краскамъ.

Своеобразную утварь, бывшую въ употребленіи въ литовскомъ домѣ, представляетъ жибинтасъ. Это — подставка или стойка, часто украшенная затѣливой рѣзбой, въ которую вставлялась лучина для освѣщенія рабочей комнаты съ ея прялками, кроснами, станками и т. д. У литовцевъ все было такъ, какъ и всюду въ крестьянскихъ избахъ. Комната, гдѣ работали на прялкахъ, оглашалась звуками народныхъ пѣсенъ и сказокъ.

Не мало ихъ могъ бы рассказать старый жибинтасъ съ своими странными, затѣливыми рѣзными, пестрыми украшеніями. Всѣ эти звуки и образы чудеснаго, фантастическаго міра проходили вѣдь передъ нимъ, сообщались однимъ поколѣніемъ другому въ его присутствіи.

Другой своеобразный предметъ, характерный для литовскаго дома, это — канклись, нѣчто въ родѣ цитры. Канклись тоже украшался всегда многими рѣзными фигурами. Канклись и жибинтасъ — неразрывные друзья. Было нѣчто въ родѣ праздника, когда въ комнатѣ, гдѣ зимнимъ вечеркомъ пряли при свѣтѣ жибинтаса, появлялся канклинкасасъ. Подобно греческому странствующему рапсоду, онъ собиралъ тутъ всю семью, которая съ жадностью слушала пѣсню или сказку, подѣ тихій аккомпаниментъ канклись. Эти волшебные звуки оставляли неизгладимое впечатлѣніе въ душахъ юныхъ слушателей. По уходѣ канклинкасаса, молодые люди старались воспроизводить плѣвившія ихъ пѣсни и всегда за работой, при свѣтѣ жибинтаса, пѣли или рассказывали слышанное отъ пѣвца; или же — весной, либо въ тихій, лунный лѣтній вечеръ поле и дѣсь оглашались этими пѣснями. Молодежь съ нетерпѣніемъ вновь ждала канклинкасаса, чтобы дополнить пробѣлы въ заученныхъ уже пѣсняхъ и услышать новыя.

Литовскіе костюмы. Костюмы литовцевъ, какъ и всѣхъ другихъ народовъ, съ теченіемъ времени подвергались измѣненіямъ. Принимается что-нибудь новое, черезъ нѣкоторое время — опять возвращаются къ старому; но во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ все же сохранились опредѣленные литовскія черты. Можно также прослѣдить путь, по которому шли эти измѣненія въ литовскихъ костюмахъ.

Описанія и изображенія, относящіяся къ древнимъ временамъ, показываютъ, что самой древней одеждой литвиновъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, было нѣчто въ родѣ длинной рубахи изъ бѣлаго, некрашеннаго холста или шерстяной матеріи. Поверхъ этого носили большой, пестрый, тоже тканый кусокъ матеріи, въ который такъ или иначе закутывались, или же носили его сложеннымъ на плечѣ.

Позднѣе, около 15-го или 16-го столѣтій, вмѣсто одной цѣльной одежды (или рубахи), которой обертывали тѣло, стали носить два куска матеріи. Каждый кусокъ брали серединой подѣ мышки и обоими концами застегивали, съ помощью пряжки,

на противоположномъ плечѣ. На груди и на спинѣ оба куска, такимъ образомъ, скрещивались, лежали одинъ на другомъ. Поясъ кругомъ бедеръ поддерживалъ цѣлость всего убора. Въ это же время стали закутываться въ бѣлыя верхнія ткани вмѣсто пестрыхъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія, что пеструю одежду литовцы носили въ будни, а также—въ веселые праздники; бѣлая же одежда предназначалась для серьезныхъ, важныхъ, торжественныхъ празднествъ. На этотъ обычай указываютъ литовскія народныя пѣсни, распѣваемые еще и теперь.

Изображенія (Преторіусъ), относящіяся къ 17 вѣку, показываютъ, что дѣвушки и замужнія женщины носили на длинной, бѣлой нижней одеждѣ, вмѣсто двухъ длинныхъ кусковъ матеріи—четыре покороче, висѣвшіе внизъ отъ бедеръ: два боковыхъ куска, два другихъ—спереди и сзади. А сверху, опять же, носили большой кусокъ матеріи, обязательно—бѣлый. Вышитыя и тканья украшенія по бѣлому полю этихъ одеждъ издавна были очень любимы.

Зимою носили шубы съ рукавами или закутывались въ широкіе, свободные куски матеріи.

Женщины носили на головѣ чепчикъ, *кику*, сохранившуюся до сего дня. Дѣвушки носили волосы часто не заплетенными, но скрѣпляли ихъ лентой и украшали вѣнкомъ изъ руть, который плели каждый день изъ свѣже нарванныхъ въ саду прутьевъ; иногда же заплетали волосы и укладывали ихъ на головѣ различнымъ образомъ. Этотъ послѣдній способъ, однако, повсемѣстно распространенъ только въ позднѣйшее время.

На ногахъ носили башмаки изъ лыка или кожи. Деревянные башмаки были неизвѣстны литовцамъ до 18-го вѣка.

Къ 18 же вѣку относится описаніе (Лепнеръ) двухъ бѣлыхъ нижнихъ одеждъ, которыя носили литовскія женщины въ прусской Литвѣ. Какъ уже сказано выше, нижняя часть тѣла была обвѣшана многими кусками матеріи. Но поверхъ бѣлой нижней одежды теперь уже надѣвается другая, съ рукавами; эта уже—зеленаго или голубого цвѣта, имѣетъ широкій желтый воротникъ и отвороты на довольно широкихъ рукавахъ. Въ праздники и при торжественныхъ случаяхъ надѣвалось платье болѣе длинное, чѣмъ въ обыкновенные дни. Сверху носили еще большой бѣлый полотняный платокъ. Башмаки или сапожки,

надѣвавшіеся вмѣсто домашнихъ башмаковъ изъ лыка, были изъ красной кожи.

Одежда мужчинъ, конечно, была всегда нѣсколько проще. Бѣлая нижняя одежда, короткіе штаны и длинная верхняя одежда съ рукавами—вотъ и весь уборъ. Верхняя одежда была лѣтомъ изъ бѣлаго холста, зимой—изъ бѣлой, иногда же—изъ коричневой или сѣрой шерсти. Кругомъ тѣла носили поясъ, который застегивали пряжками.

Позднѣе у мужчинъ сталъ пользоваться предпочтеніемъ сѣрый суконный кафтанъ съ стоячимъ воротникомъ, съ широкими лапами въ складкахъ и черною оторочкой. На головѣ они охотно носили войлочную шляпу, а зимою—мѣховую шапку.

Въ 19 вѣкѣ женщины стали носить повсемѣстно юбки, вмѣсто вышеописанныхъ свободныхъ кусковъ. Прежнія названія этихъ пестрыхъ, то полосатыхъ, то клѣтчатыхъ, то темныхъ, то яркихъ платковъ, которыми обвѣшивалось и обертывалось тѣло, *маргине* и *юдине*,—эти названія переносятся также на новыя одежды. Странно только, что теперь уже *юдине*, черная юбка, является платьемъ для серьезныхъ торжествъ.

Любятъ онѣ также лифчикъ, занесенный въ Литву выходцами изъ Зальцбурга и др. Носили лифчики красные, зеленые и т. д. Однако, во многихъ областяхъ носили только черные лифчики. И вообще, замѣчается склонность къ темнымъ цвѣтамъ; это особенно характерно для тѣхъ мѣстностей, гдѣ доминируетъ религиозное настроеніе, отчуждавшееся отъ жизни, можетъ быть—подъ вліяніемъ установившагося убѣжденія, что сохраненія всего литовскаго не имѣетъ никакой надежды въ будущемъ.

Женскія юбки болѣею частью были короткія. Къ нимъ дѣвушки и замужнія женщины носили бѣлыя чулки и низкіе башмаки. Первоначально чулки были совершенно неизвѣстны литовцамъ, они вмѣсто нихъ носили онучи, или портянки. Это доказывается тѣмъ, что для обозначенія чулокъ употребляется слово, которымъ иногда называютъ и онучи—*зутасъ*, означающее нѣчто такое, что натягивается, напиримѣръ—какъ сапогъ. Но въ научныхъ изслѣдованіяхъ и др. книгахъ часто можно встрѣтить разныя небылицы относительно литовцевъ; эти лживыя свѣдѣнія происходятъ если не изъ сознательнаго стремленія повредить литовцамъ, представить ихъ лишенными всякой культуры, то—въ лучшемъ случаѣ—изъ грубаго невѣжества. Умѣстнымъ, однако, будетъ здѣсь подчеркнуть, что самыми яркими

апостолами и распространителями взгляда на литовцевъ, какъ на варваровъ, всегда были—да и до сего дня еще являются—люди литовскаго происхожденія, отказавшіеся отъ своей національности.

Лифчикъ не вошелъ во всеобщее употребленіе, точно такъ же, какъ и шнуровка или корсетъ. Охотно носили всегда только вторую, уже упомянутую для 18 вѣка, бѣлую верхнюю одежду, которую часто обозначаютъ, какъ вторую рубаху, очевидно—по незнанію: она вполне соотвѣтствуетъ тому, что нынѣ называется блузой. По-литовски она называется *папетисъ*. Эта одежда украшалась обыкновенно на воротникѣ, рукавахъ и плечахъ особенно богатымъ шитьемъ.

Очень часто приходится также слышать утверженіе, будто литовскія женщины научились искусству вышиванья у переселившихся въ Литву иностранокъ. Этотъ взглядъ, однако, не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, литовскій языкъ очень богатъ словами для обозначенія именно работъ иглою. Во-вторыхъ, трудно было бы объяснить всеобщую любовь литвинокъ къ этого рода украшеніямъ, если бы они были только подражаніемъ занесенной извнѣ модѣ. Наконецъ, надо прибавить еще тотъ фактъ, что именно литовцы далеко превосходятъ своихъ сосѣдей прочихъ національностей богатствомъ и разнообразіемъ производства иглы.

Замѣтимъ еще, что бѣлое шитье всегда считалось болѣе изысканнымъ, и потому требовало большей наблюдательности и вниманія для своей опѣнки, между тѣмъ, какъ цвѣтное шитье употреблялось больше, какъ будничное украшеніе. Только въ послѣднія нѣсколько десятилѣтій „бѣлое шитье“ нѣсколько ослабѣло.

Упомянутая уже выше Лепнеромъ верхняя одежда изъ голубой или зеленой матеріи была въ модѣ еще въ 19 вѣкѣ; оно называлось *памуштине*. Часто ее подбивали мѣхомъ и носили вмѣсто шубы, ея стоячій воротникъ тогда дѣлался изъ куницы; плечи богато украшались разноцвѣтнымъ шитьемъ.

Обычай носить волосы незаплетенными вышелъ изъ употребленія. Заботливо стали раздѣлять волосы проборомъ и заплетать ихъ въ двѣ косы, начиная у самыхъ ушей. Заплетенныя косы укладывали кругомъ головы; если у кого волосы были не очень обильны, то въ нихъ вплетали что-нибудь. Особенно любили вплетать для этой цѣли—еще до самаго послѣдняго времени—красную, желтую, зеленую, бѣлую или черную шерсть. При густыхъ же волосахъ употреблялась только цвѣтная или

черная ленточка съ бѣлой каемкой, которой связывали косы надъ лбомъ. Эта прическа называлась *райшитисъ*. (Эд. Гизевіусъ далъ рядъ картинъ масляными красками, изображающихъ литовскіе костюмы въ особенности же—прически и головные уборы. Много подобныхъ картинъ находится въ литовскомъ литературномъ обществѣ въ Тильзитѣ).

Что было неизвѣстно литовцамъ и что они, дѣйствительно, заимствовали у переселенцевъ—это передникъ. Зато они носили, и даже—до самаго недавняго времени, болѣе или менѣе широкій поясъ, котораго длинные концы съ кисточками висѣли сбоку. Этотъ поясъ, *юоста*, является излюбленнымъ украшеніемъ литовцевъ. Молодые литвинки употребляли все свое искусство, не жалѣя ни труда, ни времени, на изготовленіе такой юосты; онѣ это дѣлаютъ и сейчасъ. И въ жизни чувствъ, особенно же—въ любви—эта юоста играетъ большую роль. Юоста часто бываетъ выткава самыми нѣжными пѣснями, самыми сердечными пожеланіями. И счастливый юноша украшалъ себя этимъ подаркомъ, полученнымъ изъ рукъ возлюбленной: онъ носилъ юосту то какъ поясъ, то какъ галстукъ.

Вытканые знаки, сгруппированные въ разные орнаменты, тоже не безразличны. Они говорили своимъ особымъ языкомъ, съ трудомъ понятнымъ намъ, въ самое новѣйшее время. Чтобы понять значеніе этихъ знаковъ, надо вспомнить о старо-германскихъ цѣлительныхъ руническихъ надписяхъ и объ индійскихъ повязкахъ съ любовными и лечебными заклинаніями.

Если даже принять, что литовскіе костюмы измѣнились *) такъ, какъ это показано выше,—то все же остается вѣрнымъ что во многихъ областяхъ еще въ началѣ 20 вѣка припоминали себѣ какъ древнюю одежду то, что въ 15 или 16 вѣкѣ было, надо думать, общераспространенной модой. Такъ, авторъ настоящей книги научился надѣвать оба вышеупомянутые куска пестрой матеріи въ окрестностяхъ Рагнита, у одной старушки-крестьянки, которая помнила, какъ это носили въ Рагнитѣ во время ея дѣтства. Однакожъ, очень часто обходились и однимъ кускомъ матеріи, которой охватывалъ тѣло съ одной только стороны, такъ что одно плечо, а именно—первое, оставалось непокрытымъ.

*) Обращаемъ вниманіе читателей, что авторъ основывается на знакомствѣ съ жизнью, традиціями, равно какъ и съ литературными произведеніями главнымъ образомъ прусскихъ литовцевъ. (Издат.).

Далѣ, въ мѣстностяхъ по Шешупѣ до самыхъ 90-хъ годовъ 19 столѣтія бросается въ глаза предпочтеніе, которое отдавалось бѣлому цвѣту въ одеждѣ. Набожныя женщины въ костелахъ и около нихъ представляли очень своеобразную картину. Цѣнность одежды обуславливалась главнымъ образомъ богатými вышиваньями и искуснымъ тканьемъ. Предметомъ роскоши считался кусокъ бѣлаго полотна, дробуле, съ ажурной середкой. За послѣднія десятилѣтія эти костюмы очень быстро вышли изъ употребленія. Странно, что эти уборы сохранились гораздо дольше въ прусской части Литвы, чѣмъ въ русской. На большомъ лѣтнемъ праздникѣ литовцевъ въ Тильзитѣ, въ 1907 году, для участія въ которомъ съѣхалось 3000 человѣкъ и на которомъ были розданы преміи за наиболее красивую литовскую одежду, — можно было видѣть самые разнообразныя литовскіе національныя костюмы.

Литовскіе обычаи.

Тутъ надо отличать специально-литовскія особенности отъ того, что свойственно всѣмъ родственнымъ имъ народамъ. И опять-таки—надо обратиться къ крестьянскому сословію; ибо крестьяне всегда крѣпче держатся преданій старины, чѣмъ другія сословія. Какъ старики живутъ и проводятъ время, такъ живетъ и проводитъ время молодое поколѣніе. „Моя маменька, мой папа обыкновенно такъ это дѣлалъ“—услышите вы часто благоговѣйное замѣчаніе литовца.

Распределеніе дня у крестьянина обуславливается требованиями сельскаго хозяйства; а эти, въ свою очередь, зависятъ отъ того, что въ хозяйствѣ важнѣе: культура хлѣбныхъ растений или плодовыхъ деревьевъ, разведеніе молочнаго скота или рабочаго, лошадей или свиней, овецъ или домашней птицы. Чтобы уловить собственно-національныя черты, надо направить вниманіе на то, какъ человѣкъ приступаетъ къ своимъ задачамъ, какимъ одному ему свойственнымъ образомъ онъ понимаетъ свою жизнь и какъ ее устраиваетъ.

Мы не можемъ тутъ останавливаться на подробностяхъ. Мы упомянемъ только о томъ, что бросается въ глаза. Прежде всего поражаетъ въ литовцѣ то, что онъ за все принимается—съ пѣсней. Въ набожныхъ семьяхъ духовная пѣснь (или молитва)

обязательно сопровождала начало перваго общаго дѣла, равно какъ и конецъ его. Такъ, передъ обѣденнымъ столомъ литовцы любили пропѣть хоромъ одну-двѣ строфы; то же самое—передъ отправленіемъ въ путь, передъ началомъ болѣе важной работы и т. п. Въ домахъ, гдѣ религиозное чувство не проявлялось такъ сильно, средствомъ для созданія соответствующаго настроенія была народная пѣсня или же короткій веселый рассказъ или анекдотъ. Въ каждое предпріятіе, въ каждую работу вносится такимъ образомъ опредѣленная мысль, опредѣленное настроеніе. Само собою разумѣется, это не относится къ тѣмъ работамъ и предпріятіямъ, гдѣ единственная цѣль, управляющая человѣкомъ,—жажда наживы, стремленіе заработать, какъ можно больше, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается за послѣднія нѣсколько десятилѣтій среди такъ называемаго культурнаго общества.

Особенность литовцевъ—сопровождать свою работу пѣсней—проявляется особенно при такихъ событіяхъ, отъ которыхъ зависитъ судьба цѣлой жизни, а также на свадьбахъ, крестинахъ, похоровахъ, на праздникахъ жатвы, при общихъ работахъ, при постройкѣ дома, при новосельяхъ, и т. п. Невозможно описать подробно всѣ такіе обычаи; но мы должны подчеркнуть, что всюду въ такихъ случаяхъ пѣснѣ отводится особенно видное мѣсто. Больше всего это вѣрно, конечно, относительно свадьбы.

Уже самая приготовленія къ ней, самое сватовство черезъ посредство свата, **пиршлиса**, имѣло драматическій характеръ, разыгрывалось въ длинныхъ и торжественныхъ діалогахъ, которые очень часто заканчивались пѣніемъ хоть одной послѣдней фразы. Свадебныя торжества, начинавшіяся тамъ, откуда выходилъ одинъ изъ молодыхъ, состояли изъ ряда обрядовъ, сопровождавшихся всегда болѣе или менѣе длинными пѣснями. Съ пѣсней трогалась свадебная процессія къ вѣнцу, съ пѣсней встрѣчали ее на обратномъ пути. Съ пѣснями и наговорами старуха-хозяйка дома, въ которомъ отнынѣ должна была хозяйничать уже молодая, надѣвала этой послѣдней на голову чепчикъ замужней женщины, съ соблюденіемъ при этомъ опредѣленнаго церемоніала. Такъ молодая женщина вводилась, такъ сказать, въ кругъ новыхъ обязанностей. За всякую услугу, оказанную невѣстѣ въ день ея свадьбы, она вознаграждала подарками, искусно приготовленными ея собственными руками. Такъ, она раздавала куски полотна, пестрыя перчатки, ленты, пояса,

рубашки, полотенца и т. п. Но при всемъ этомъ пѣснѣ отводилось почетное мѣсто. Можно сказать, что литовская свадьба— это своего рода оперетта*).

Разумѣется, на свадьбахъ имѣли мѣсто всевозможныя забавы и увеселенія; не послѣднее мѣсто занимали танцы. Изъ нихъ танецъ шляпъ исполнялся только мужчинами, а танецъ руть— только дѣвушками. Но были также танцы, въ которыхъ принимали участіе и женщины и мужчины. Надо замѣтить, что литовскіе танцы въ старое время вовсе не были одними только ритмическими движеніями подъ музыку, но — какъ всегда въ древности — пластическимъ выраженіемъ вполне опредѣленныхъ мыслей и чувствъ. Эти танцы уже были почти забыты, но за послѣднія нѣсколько десятилѣтій они вновь воскресли.

Въ общемъ, о литовцахъ можно сказать, что своимъ языкомъ и отличительными свойствами они вносятъ въ современность воспоминаніе о такихъ особенностяхъ человѣческаго мышленія и чувства, которыя у другихъ народовъ совершенно уже исчезли. Мало того: въ основѣ всего литовскаго лежитъ старинная жизнь и чувствованія.

Это относится въ особенности къ уже упомянутой привычкѣ молодыхъ дѣвушекъ въ лѣтнее время украшать себя каждое утро вѣнкомъ изъ свѣже-нарванныхъ руть. Значеніе этого становится яснымъ изъ народныхъ пѣсней. Вѣнокъ изъ руть былъ символомъ непорочности и чистоты. И если въ пѣснѣ жалуются на потерю такого вѣнка, то это означаетъ, что оплакиваютъ потерю невинности и дѣвственности. Выборъ руть, какъ дѣвичьяго цвѣтка, ни въ коемъ случаѣ не является случайнымъ. Рута съ ея особеннымъ, почти терпкимъ запахомъ и расцвѣтающая, чистая дѣвушка имѣютъ извѣстное внутренне сродство, которое, безъ сомнѣнія, доступно внутреннему чувству и пониманію.

*) Одинъ изъ лучшихъ современныхъ литовскихъ композиторовъ, Микасъ Петраускасъ написалъ оперетту Вестувесъ (свадьба), для которой онъ воспользовался настоящими народными мотивами, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ соответствующихъ обычаевъ. Его оперетта—это литовская свадьба въ художественномъ исполненіи.
Авторъ.

ЛИТОВЕЦЪ.

Его типъ. Литовская нація не свободна отъ чужой крови. Поэтому внѣшность у литовцевъ бываетъ различная, и отчеты писателей и путешественниковъ по этому предмету сильно расходятся. Одинъ сообщаетъ о неуклюжихъ, толстыхъ фигурахъ и некрасивыхъ лицахъ, другой-же—о стройныхъ фигурахъ. Особенно плохо отзывались о литовцахъ во время войны. Но если вспомнить, какъ много англичане подсмѣивались надъ некрасивой, неуклюжей нѣмецкой женщиной, то подобное же сужденіе—кстати сказать, высказываемое нѣмецкими писателями—о литовскихъ женщинахъ вызоветъ только улыбку. Наконецъ, писалъ же Рубенсъ толстыя фигуры. Впрочемъ у этого фламандца могъ быть свой особенный вкусъ.

Въ дѣйствительности, настоящій литовскій типъ—это стройная фигура, средняго роста или же выше средняго, съ голубыми глазами и русыми волосами, съ свѣжимъ и здоровымъ цвѣтомъ кожи; для обозначенія послѣдняго литовскій языкъ располагаетъ множествомъ выраженій. Особенно бросается въ глаза цвѣтъ лица у молодой литвианки; бѣлый, очень нѣжный, съ прекраснымъ розовымъ тономъ на щекахъ. Губы необыкновенно свѣжи. Вся эта красота сохраняется у здоровыхъ и умѣренныхъ литовскихъ женщинъ, дѣвицъ и замужнихъ, до самаго зрѣлаго возраста; у больныхъ же или старыхъ она, разумѣется, скоро исчезаетъ. Нѣжную бѣлую кожу имѣютъ также лица съ карими глазами и темными волосами. Можно подумать, что литвинки прибѣгаютъ къ бѣлиламъ и румянамъ; между тѣмъ единственныя косметическія средства настоящей литвинки—это свѣжій воздухъ и чистая вода; остальное довершаетъ ея собственная здоровая, чистая, цѣломудренная кровь.

Рядомъ съ голубыми глазами встрѣчаются также каріе и желтые; часто очень трудно опредѣлить съ точностью цвѣтъ глазъ, ибо онъ какъ-то незамѣтно переливается отъ сѣраго цвѣта до зеленоватаго или желтоватаго. Каріе глаза часто имѣютъ свѣтло-янтарный оттѣнокъ. Лицо продолговатое, лобъ широкій и выпуклый; нижняя часть лица часто очень малая и узкая; скулы наоборотъ, часто выдаются нѣсколько впередъ. Въ этой послѣдней чертѣ сказывается, можетъ быть, примѣсъ монгольской крови. Замѣчательно, что у литовцевъ часто встрѣчается классическій профиль, съ прямой линіей отъ лба къ носу.

Конечности длинная и стройная, ступня высокая; поэтому походка легкая и эластичная. Въ литовскомъ языкѣ для выраженія этого существуетъ много словъ. Безъ сомнѣнія, своею ловкостью и способностью ко всевозможнымъ ремесламъ, вошедшею даже въ поговорку, литовецъ въ значительной мѣрѣ обязанъ этому строенію своихъ конечностей и мускуловъ.

Само собою разумѣется, изображенный здѣсь типъ не бросается сразу въ глаза наблюдателю. Народъ, угнетаемый другими народами съ опредѣленной цѣлью отказаться отъ собственного существованія, какъ отдѣльной націи, — такой народъ всегда будетъ представлять признаки упадка и вырожденія, особенно, если онъ стѣсненъ въ своей хозяйственной дѣятельности, какъ это часто имѣло мѣсто въ Великой Литвѣ подъ владычествомъ русскихъ. Стоитъ только вспомнить о русскихъ попыткахъ колонизаціи этого края. Политическія преслѣдованія имѣли очень вредное вліяніе даже непосредственно на здоровье литовцевъ, въ особенности — на болѣе образованные слои. Однако же, вышеописанный типъ имѣетъ право считаться настоящимъ типомъ литовца.

Образъ мыслей и чувствъ. Не нужно долго жить среди литовцевъ, чтобы обнаружить особенности въ ихъ образѣ мыслей и въ выявленіи чувствъ. Надо только умѣть наблюдать. Прежде всего, бросается въ глаза деликатность литовца въ словахъ и обращеніи. Онъ никогда не можетъ быть такимъ рѣзкимъ, суровымъ, какъ нѣмецъ одинаковаго съ нимъ образованія и общественаго положенія. (Цвекъ, „Литва“, стр. 150). Въ литовскомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія грубости, суровости. Но это не оттого, что языкъ вообще бѣдный — нѣтъ: этотъ же языкъ особенно богатъ словами для выраженія нѣжныхъ чувствъ. Въ литовскомъ языкѣ встрѣчается необыкновенно много ласкательныхъ словъ.

Эти особенности духовнаго склада литовца легко можно замѣтить, наблюдая отношеніе его къ природѣ. Во всякомъ живомъ существѣ литовецъ видитъ нѣчто такое, что имѣетъ существенное сродство съ человѣкомъ. Соответственно этому онъ и поступаетъ. Въ пѣсняхъ онъ говоритъ о деревьяхъ, какъ о своихъ братьяхъ. Кукованіе кукушки въ лѣсу для него — привѣтъ отъ далекихъ друзей; онъ даже готовъ думать, что это его маманька или маленькая сестричка приняли образъ птицы, чтобы привѣтствовать его.

Изъ животныхъ, привлекающихъ къ себѣ особенное внима-

ніе, заботливость и чувствительность литовца, на первомъ планѣ стоитъ лошадь. Съ увѣренностью можно сказать, что тотъ не литовецъ, кто мучаетъ свою лошадь. Любовь къ лошади у литовца чувство врожденное. Не только у мальчиковъ, но и у дѣвочекъ проявляется любовь къ этому домашнему животному. Многие утверждаютъ, что по виду лошади можно узнать, была ли она вырощена у литовца или у не литовца. По литовской лошади замѣтно, что она стала не только рабочимъ скотомъ, но и другомъ своего хозяина. Она производитъ впечатлѣніе, какъ будто научилась страдать и радоваться вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Литовцу въ особенности свойственна мысль, что природа является посредникомъ между людьми, что она принимаетъ участіе въ ихъ горѣ и радостяхъ. Такъ, лѣсъ и доль плачутъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, цвѣты и солнечные лучи радуются съ нимъ, ровный свѣтъ звѣздъ провожаетъ, утѣшая и успокаивая его.

Все это указываетъ на особенно глубокую воспримчивость чувства. И дѣйствительно, литовецъ не можетъ досыта налюбоваться красивымъ ландшафтомъ, видомъ моря, озеръ, горныхъ вершинъ, и т. п. Особенно любить онъ лѣсъ. Тамъ, кажется ему, онъ чувствуетъ присутствіе чего-то священнаго. Нигдѣ литовецъ не испытываетъ такого придподнятаго, торжественнаго настроенія, какъ въ лѣсу. Вотъ почему онъ и домъ свой окружаетъ деревьями, строить его посреди сада — чтобы напоминало ему лѣсъ; практическія потребности или удобства для него тутъ играютъ не столь большую роль. Поэтому онъ въ своихъ пѣсняхъ и сказкахъ всегда возвращается къ лѣсу.

Литовецъ оцѣниваетъ человѣка тоже по впечатлительности его и деликатности. И хотя онъ относится ко всѣмъ людямъ одинаково безпристрастно, безъ предубѣжденій — все же онъ дѣлаетъ различіе даже между своими братьями по національности, оцѣнивая ихъ не по ихъ имущественному положенію, не по состоятельности, какъ это обыкновенно свойственно крестьянамъ, а по истинному душевному благородству, поскольку оно выражается въ манерахъ, проявляется въ общемъ выраженіи даннаго лица. Молча, часто съ презрѣніемъ отворачивается литовецъ отъ человѣка, который выказалъ себя неблагороднымъ, совершилъ какой-нибудь низкій поступокъ. И только иногда произнесетъ онъ свой приговоръ надъ такимъ человѣкомъ, называя его продажной душой; зато, это выраженіе общераспространенное. Какъ покраснѣли бы многія поставленные высоко лица — если только они

еще не потеряли способности краснѣть отъ стыда — при совершении какого-нибудь подлога или нечестнаго поступка, если бы знали, какъ вѣрно оцѣниваетъ ихъ простой литовецъ по ихъ внутреннему достоинству!

Литовцы упомянутой категоріи, можно сказать, претендуютъ на то, что они будто бы являются единственными представителями настоящей литовской національности. Однако, необходимо подчеркнуть, что дѣло тутъ идетъ не о богатствѣ. Самое большее — тутъ играетъ роль происхождение, старинность рода, который можно прослѣдить, углубляясь даже на нѣсколько вѣковъ въ прошлое. Возможно, въ данномъ образѣ мыслей и оцѣнки людей проявляется старая, вкоренившаяся привычка людей свободного состоянія по отношенію къ тѣмъ, которые были зависимы отъ другихъ.

Такая мѣрка для оцѣнки людей имѣетъ свой недостатокъ: слишкомъ опрочечивое сужденіе часто видитъ всю цѣну человѣку въ деликатности его чувствъ, и, такимъ образомъ, литовецъ часто ошибочно судитъ о людяхъ другихъ національностей. Это можно примѣнить къ сужденію литовцевъ о нѣмцахъ. Нѣмецъ далекъ отъ любезности, манеры его грубыя, обращеніе рѣзкое, суровое, — все это литовцы считаютъ признаками низшаго существа, которое можно за это презирать. Этимъ можно объяснить часто проявляющееся, какъ бы инстинктивное нерасположеніе литовцевъ къ нѣмцамъ; оно исчезаетъ только послѣ того, какъ литовецъ научится постигать и правильно оцѣнивать истинную сущность всего нѣмецкаго. Въ этомъ нерасположеніи литовца къ нѣмцамъ историческая противоположность обоихъ народовъ занимаетъ второстепенное мѣсто.

Другая характерная особенность литовца — это уравновѣшенность, ровность его настроенія. Можно бы назвать это даже гармоничностью души. Что бы ни приключилось съ нимъ, — онъ не позволяетъ измѣнить свое настроеніе. Однако, это не значитъ, что онъ равнодушенъ ко всему, что жизнь приноситъ съ собой: для этого его душа слишкомъ чувствительна. Но ему свойственна необыкновенно большая эластичность и, если можно такъ выразиться, сила разсудка. Чего избѣгнуть нельзя — съ тѣмъ надо примириться, а затѣмъ — мужественно смотрѣть въ лицо новому, каково бы оно ни было. Литовецъ безсознательно стремится къ тому, чтобы побѣдить различныя жизненныя обстоятельства. Его настроеніе должно быть въ полной гармоніи.

Яснѣе всего это обнаруживается, когда приходится осилить какое-нибудь затрудненіе. Душевное напряженіе при этомъ разрѣшается характернымъ образомъ. Безразлично, что предстоитъ литовцу — трудная работа, опасность или страданіе; при возрастающихъ затрудненіяхъ онъ все больше склоненъ встрѣчать все весело, съ улыбкой, съ шуткой и остротой, которая въ неприятныхъ случаяхъ легко переходитъ въ насмѣшку надъ самимъ собою.

Но совершенно особый интересъ представляетъ наблюденіе надъ литовцами, когда имъ надо выполнить какую-нибудь тяжелую работу. Чѣмъ больше отъ нихъ требуется усилій, тѣмъ бойчѣе и веселѣе становится ихъ рѣчь. Лѣнивые, безпомощные, слабосильные — служатъ мишенью для беспощадныхъ шутокъ и остротъ.

Все это, разумѣется, свидѣтельствуетъ о здоровомъ, нормальномъ умѣ. И дѣйствительно, здоровый умъ всегда признавался за литовцами. Даже можно сказать о литовцахъ, что они представляютъ особенно интеллигентную, одаренную націю. А что этотъ фактъ остался безъ вліянія на культурную жизнь Европы — объясняется слѣдующими обстоятельствами: во-первыхъ — сравнительно малой численностью литовскаго народа; во-вторыхъ — отсутствіемъ объединяющей національной организаціи, такъ необходимой для развитія внутреннихъ силъ народа; въ-третьихъ, наконецъ — и это важнѣе всего — тѣмъ, что литовская интеллигенція постоянно всасывается, поглощается другими народами, среди которыхъ она уже не имѣетъ случая и возможности созрѣть, развить въ полной мѣрѣ всѣ свои умственные особенности и стремленія. Стоитъ только прочесть сборникъ литовскихъ пословицъ и выраженій, немного углубиться въ литовскія сказки и народныя разсказы — и нельзя не придти въ восхищеніе отъ ихъ остроумія. Обиліе въ литовскомъ языкѣ словъ, обозначающихъ различную умственную дѣятельность, указываетъ также на то, какъ эта дѣятельность многостороння, жива и глубока.

Объ упомянутыя стороны духовнаго уклада человѣка — настроеніе и умъ — находятся, безъ сомнѣнія, въ извѣстной связи съ его физической организаціей. Если организмъ физически здоровъ и свѣжъ, то и настроеніе у человѣка будетъ гармоническое, умъ будетъ работать съ ясностью и остротой. Но и наоборотъ — доброе настроеніе вліяетъ также полезнымъ образомъ на тѣло и на познавательныя силы. Такимъ образомъ можно утверждать,

что природа литовцевъ представляетъ необыкновенно благоприятную почву для развитія всей духовной жизни.

Характеръ. Подъ словомъ характеръ очень часто подразумѣваютъ совокупность самыхъ разнообразныхъ, возможныхъ и невозможныхъ духовныхъ чертъ. Тогда, конечно, можно все утверждать—и все отрицать. Мы, прежде всего, должны, по крайней мѣрѣ, принять во вниманіе, что свойства каждаго народа ни въ коемъ случаѣ не представляютъ чего-то постоянного, которое оставалось бы неизмѣннымъ въ теченіе поколѣній. И потому мы считаемъ ошибочнымъ, когда только цитируютъ мѣста изъ писаній людей прежнихъ вѣковъ, чтобы сказать: вотъ характеръ народа.

Очень важное значеніе имѣетъ вѣдь то, кто писалъ, и какой руководящій мотивъ водилъ его перомъ. Возьмемъ примѣръ. Тацитъ писалъ о древнихъ германцахъ очень много хорошаго. Можетъ быть, многое въ его описаніяхъ и вѣрно; но если примемъ во вниманіе, что онъ писалъ свой отчетъ для римлянъ—въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія—которымъ онъ хотѣлъ показать, чему бы имъ стоило поучиться у варваровъ,—то его сочиненія получаютъ въ нашихъ глазахъ совсѣмъ другое значеніе.

То же можно сказать и о томъ, что говорятъ о литовцахъ христіанскіе проповѣдники. Они хотѣли показать, какъ христіанство было необходимо литовцамъ. А побѣдители слишкомъ охотно представляютъ сдѣланное ими дѣло, какъ культурный подарокъ первостепенной важности для покоренныхъ. Такъ дѣло идетъ и до настоящаго времени. Даже русскіе утверждали, что когда казаки ворвались въ восточную Пруссію, то принесли съ собой жителямъ этой страны нѣчто такое, что даетъ имъ пользу въ томъ или другомъ отношеніи.

Но, во всякомъ случаѣ, изъ сравненія сужденій о литовцахъ и ихъ особенностяхъ, относящихся къ разнымъ временамъ, можно вывести то, что во всѣ времена оказывалось одинаковымъ. Всѣ сужденія, однако, носятъ отпечатокъ односторонности, сохраняя нѣчто, остававшееся, дѣйствительно, неизмѣннымъ въ теченіе столѣтій, а именно—недостаточное знакомство съ литовскими особенностями и явное намѣреніе представить литовцевъ въ самомъ худшемъ свѣтѣ. Немногіе отчеты, не зараженные этой по-

сѣдней особенностью, говорятъ почти только одно хорошее о литовцахъ, такъ что даже кажутся неправдоподобными.

Чтобы особенности народа оставались одинаковыми въ теченіе столѣтій—невозможно уже въ силу одного того, что измѣнялась судьба этого народа. Весь окружающій міръ, жизненные условія отдѣльныхъ лицъ и всего народа, общественныя отношенія внутри народа и экономическія и политическія отношенія къ другимъ націямъ,—все это безпрестанно мѣняется. Каждое изъ этихъ измѣненій отражается на человѣкѣ и оставляетъ на немъ свой отпечатокъ. А исторія Литвы, можетъ быть, гораздо богаче по своимъ разнообразнымъ переменамъ, чѣмъ исторія многихъ другихъ малыхъ народовъ на протяженіи 500 лѣтъ.

Только природа страны оставалась неизмѣнной въ теченіе очень долгаго времени. Въ ней нѣтъ замѣтныхъ измѣненій, можетъ быть, за цѣлыя тысячелѣтія. Поэтому типъ и природа литовца тоже могли оставаться такими же, какими были много много лѣтъ тому назадъ, несмотря на то, что притокъ чужой крови могъ внести нѣкоторыя измѣненія.

Но все это не касается непосредственно характера человѣка. Чтобы познать характеръ, мы должны углубиться въ сферу человѣческой воли. Надо изучить то находящееся въ основѣ каждаго человѣка активное начало, которое выступаетъ опредѣленнымъ образомъ не только по отношенію къ окружающему міру, но и по отношенію къ природѣ самого человѣка, и, такимъ образомъ, создаетъ свойства и особенности даннаго человѣка. Если имѣть это постоянно въ виду, то характеръ человѣка можно будетъ представить до нѣкоторой степени вѣрно. Изучая характеръ человѣка, мы должны уловить ту силу, съ которой человѣкъ оказываетъ свое дѣйствіе, свое вліяніе на окружающую природу, налагаетъ на окружающую жизнь свой отпечатокъ.

Характеръ цѣлаго народа лучше всего наблюдать въ моменты, когда данный народъ въ своей сплоченности бываетъ вынужденъ къ значительному воздѣйствію на окружающій міръ. Современная великая война представляетъ отличный случай для наблюденія въ этомъ отношеніи. Необходимо только принять во вниманіе, что великія воюющія націи всѣ безъ исключенія, хотя и въ большей или меньшей мѣрѣ, находятся и высказываются подъ вліяніемъ извѣстныхъ внушеній. Свободная воля у всѣхъ какъ-то ограничена, допускаетъ только одностороннія проявленія. Мы подразумѣваемъ здѣсь не только цензуру, которая дѣйствуетъ

всюду, но также настроенія и состоянія души, въ которыхъ находятся Европа и весь міръ, который подчиненъ европейскому вліянію. Во всякомъ случаѣ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе едиными, коллективными желаніями и стремленіями цѣлыхъ народовъ.

Литва подобнаго момента никогда еще не переживала; развѣ только настоящее время будетъ такимъ моментомъ. Во времена ея самостоятельности, какъ и всюду вообще въ тѣ времена, только господствующія сословія выступали, когда шло дѣло объ отечествѣ. О волѣ народной, поэтому, не могло быть и рѣчи. Воля народная развилась только понемногу, начиная со временн уніи съ Польшей и господства русскихъ, притомъ—именно противъ обоихъ этихъ историческихъ факторовъ.

О литовскомъ характерѣ, поэтому, можно говорить только на основаніи дѣйствительныхъ наблюденій и опытовъ, беря, какъ примѣры, выдающихся людей изъ исторіи Литвы или же—высоко-развитыхъ, зрѣлыхъ современниковъ. Ибо—повторимъ это еще разъ—положительную цѣнность въ человѣкѣ, т. е. его характеръ, надо искать не въ развитой, но именно въ самой зрѣлой индивидуальности. И надо быть, дѣйствительно, слишкомъ ужъ наивнымъ, чтобы въ любомъ литовцѣ видѣть національный характеръ вообще литовца, какъ это дѣлалось и дѣлается сплошь да рядомъ.

Въ настоящей книгѣ уже даны были нѣкоторыя указанія на характеръ литовцевъ. Отмѣтимъ еще нѣкоторыя существенныя черты литовцевъ.

Издавна уже указывали на откровенность и прямоту литовца. Ее замѣчаютъ уже, можно сказать, и въ его внѣшнихъ манерахъ. Литовець держится совершенно одинаково какъ съ богатымъ, такъ и съ нищимъ. Сословіе не дѣлаетъ въ его глазахъ никакого различія между людьми. Но этимъ самымъ литовець показываетъ, что онъ очень живо чувствуетъ свое собственное достоинство.

Это обнаруживается также въ его поступкахъ. Если литовець что либо обѣщалъ,—онъ это обязательно исполнить. Распоряженіе главы семьи или отца дается въ немногихъ словахъ, и оно безпрекословно исполняется. Есть въ литовскомъ языкѣ для этого общеизвѣстная поговорка: „Сказано—какъ топоромъ отрублено“. Поэтому обѣщаніе литовца заслуживаетъ абсолютнаго довѣрія. До настоящаго времени еще литовцы одалживаютъ

другъ другу значительныя суммы на слово. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ возникнуть вопросъ о наслѣдствѣ, составляются письменныя условія.

Несмотря на это чувство собственнаго достоинства, или—съ другой точки зрѣнія—именно вслѣдствіе этого чувства собственнаго достоинства, литовець очень услужливъ и предупредителенъ. Однако, онъ не навязчивъ; но онъ быстро является, гдѣ это нужно. Ему и въ голову не приходитъ, что какая-либо работа можетъ унижить человѣка. Поэтому дочери даже зажиточныхъ родителей идутъ въ прислуги, совершенно не думая объ униженности въ глазахъ многихъ этого званія и держатъ себя очень свободно по отношенію къ своимъ хозяевамъ. И очень часто хозяйка склонна видѣть въ этомъ наивность или неотесанность, особенно—подъ вліяніемъ господствующаго убѣжденія, что литовцы принадлежатъ къ низшей расѣ, такъ сказать. Однако, если кто будетъ наблюдать за тѣми, о которыхъ идетъ рѣчь,—онъ будетъ пораженъ тѣмъ, какой громадный недостатокъ въ умѣнъ оцѣнивать свое собственное достоинство и достоинство другихъ людей обнаруживается въ такой мысли!

Если литовець принялъ на себя какую-либо службу—то на него можно полагаться вполне. Прусская администрація знаетъ это отлично и дѣйствуетъ соотвѣтственнымъ образомъ. Въ особенности литовець охотно служить, если можетъ уважать своего начальника, какъ человѣка. Это—даже необходимое условіе его прилежанія, преданности и трудоспособности. При отсутствіи этого условія на литовца полагаться нельзя, не вслѣдствіе его безопасности, но отъ сознательнаго небреженія, такъ какъ онъ этимъ выражаетъ свое презрѣніе къ человѣку.

Литовца хвалятъ за то, что онъ съ почтениемъ относится къ власти. Это вѣрно. Но столь же вѣрно и то, что часто онъ всѣмъ своимъ поведеніемъ совершенно игнорируетъ ее, принимаетъ ее за нѣчто такое, что имѣетъ свое оправданіе только въ несовершенствѣ человѣческой природы, что недостойно его. Если лица, стоящія у власти—люди сомнительной нравственной цѣнности, то онъ приходитъ къ заключенію, что бываютъ люди, желающіе непременно управлять другими, не будучи даже въ самой малой мѣрѣ достойными этого. И онъ прощаетъ тогда этимъ людямъ ихъ хвастливое высокомеріе, какъ ягру, правда, неприятную, недорослей.

Эта черта, однако, не должна быть приписана недостаточ-

ному пониманію значенія государственной организаціи, но чувству собственнаго достоинства и связанной съ нимъ склонности— поступать самостоятельно и на свою собственную отвѣтственность. Несмотря на политическую зависимость, въ которой литовець находился въ теченіе столѣтій, онъ не потерялъ извѣстнаго сознанія, что онъ—господинъ, хозяинъ. Конечно, это сознаніе ничего общаго не имѣетъ съ стремленіемъ обратить всѣхъ прочихъ въ своихъ рабовъ—это только чистое чувство собственнаго достоинства. Съ этимъ связана еще другая характерная черта: литовець, болѣе чѣмъ всякій другой народъ, склоненъ къ обособленности. Онъ любитъ быть съ самимъ собою, для самого себя. Уединеніе для него—это родъ убѣжища. Отсюда то и прежнее атомистическое состояніе въ національной жизни литовцевъ, отсюда—недостатокъ сплоченности, который бросается въ глаза еще и въ наши дни, хоть бѣдствія послѣднихъ десятилѣтій едѣлали чудеса въ этомъ отношеніи.

Поэтому-то литовець всегда очень сдержанъ, можно даже сказать—скромнень. Но если только онъ встрѣчаетъ дерзость—онъ дѣлается необыкновенно гордъ. Однакожъ, онъ большую часть выжидаетъ нѣкоторое время прежде, чѣмъ дѣйствовать соответственнымъ образомъ.

Въ разговорѣ литовець сдержанъ. Если судить по литовскому языку, то литовцы должны быть очень разговорчивыми. Однако литовець оказывается весьма сдержаннымъ, скупымъ на слова, когда онъ сходитъ съ чужими людьми. Онъ тогда старается узнать, какую цѣнность представляетъ его собесѣдникъ. Литовская рѣчь, какъ извѣстно, очень лаконическая. Тамъ, гдѣ идутъ только вопросы и отвѣты, вы часто услышите только отдѣльныя слова. Но если затрагивается предметъ, имѣющій значеніе и для литовца,—тогда онъ тоже вмѣшивается въ разговоръ, сначала дѣлая только отдѣльныя замѣчанія, а потомъ доходить до изложенія своего мнѣнія; онъ можетъ даже увлечься, наконецъ, до чрезмѣрнаго потока словъ. Но вдругъ онъ останавливается и опять погружается въ размышленіе.

Надо отмѣтить еще одну замѣчательную черту литовца—его смѣлость, которую можно наблюдать очень часто. При густомъ ледоходѣ и бурномъ теченіи юноши и дѣвушки, когда есть необходимость, бросаются въ челнокъ, чтобы переправиться черезъ рѣку; это никого не удивляетъ, это обыденное явленіе. Смѣлость литовца проявлялась много разъ въ исторіи, особенно—

въ важные времена. У польскихъ и литовскихъ историковъ можно найти много такихъ примѣровъ. И въ самое новѣйшее время имѣли мѣсто подобныя случаи, гдѣ дѣло шло о противодѣйствіи русскому насилию и произволу.

Съ этой смѣлостью соединяется мужество и выдержка, которая никогда и ни отъ чего не устаетъ. Если литовець чему-нибудь посвятилъ себя—то его ужъ нельзя будетъ отъ этого оторвать. Литовцы называютъ это желѣзной натурой, свойственной литовцу, подразумѣвая подъ этимъ его непреклонную волю, когда онъ уже принялъ какое-нибудь рѣшеніе. Тамъ, гдѣ сталкиваются люди противоположныхъ стремленій, естественно, бываютъ конфликты. Литовская исторія знаетъ много такихъ примѣровъ, въ которыхъ разыгравшіяся страсти вели къ потрясающимъ результатамъ.

Эту твердость воли можно, пожалуй, принять за упрямство, со всѣми сопровождающими его дурными явленіями, которыя особенно рѣзко обнаруживаются въ крестьянской средѣ при судебныхъ процессахъ. Но нужно замѣтить, что у литовцевъ споры возникаютъ не изъ-за денегъ, а изъ-за задѣтаго самолюбія, убѣжденій и т. п.

Для литовца характерно еще то, что его собственное мнѣніе, убѣжденіе или рѣшеніе для него важнѣе всякихъ денегъ. Что онъ считаетъ правильнымъ, вѣрнымъ, справедливымъ, добрымъ,—онъ за это готовъ принести какія-угодно жертвы. Кого онъ уважаетъ, что онъ почитаетъ—тому онъ преданъ всей душой. Когда случится ему разочароваться—онъ все же не будетъ мстить; онъ только отворачивается, какъ бы пристыженный, можетъ быть, и съ презрѣніемъ. Ему стыдно за то, что обожаемый имъ предметъ оказался недостойнымъ этого.

Вихертъ въ одномъ изъ своихъ рассказовъ умѣло использовалъ эту черту литовскаго характера. Въ его изображеніи обманутый литовець, у котораго отняли ту, которая была ему дороже всего на свѣтѣ, не убиваетъ своего соперника, хотя для этого ему стоить только спустить курокъ; обольститель самъ себя лишаетъ жизни.

Къ счастью, подобное рѣдко случается у литовцевъ. Въ такомъ шагѣ они не видятъ никакого рѣшенія конфликтовъ. Повидимому, они чувствуютъ внутреннее рѣшительное побужденіе—во что бы то ни стало справиться со всѣми жизненными разо-

чарованіями. Мы ужъ не говоримъ о томъ, что этотъ древній народъ все же еще такъ молодъ, что такія явленія вырожденія до сихъ поръ оставались ему чужды.

Съ непреклонностью воли у литовца почти совсѣмъ не вяжется его готовность прощать. И тѣмъ не менѣе—это свойство можно часто наблюдать у литовца. При этомъ литовецъ не говоритъ много. А если онъ кого презираетъ—то совсѣмъ молчить и выказываетъ ему свое прощеніе только жестомъ. Надо думать, что эта черта обуславливается его тонкимъ, деликатнымъ чувствомъ.

Этимъ объясняется также долготерпѣливость и большая до вѣрчивость литовца. Эти качества очень часто можно наблюдать у великихъ историческихъ лицъ. Такъ, Кенгутисъ впалъ въ руки Ягайлы. Такъ, Витаутасъ проигралъ большое сраженіе съ татарами. И именно это обстоятельство было особенно важнымъ для всей дальнѣйшей исторіи Литвы: оно повело къ договору, который проложилъ путь къ позднѣйшей уніи между Литвой и Польшей.

Можно указать на другія еще черты литовскаго характера; но тѣ черты выступаютъ менѣе рѣзко. Вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ эти черты поблѣднѣли, или же—обратились въ недостатки.

Да и приведенныя черты характера не всегда можно наблюдать во всей ихъ чистотѣ. Имъ часто благоприятствуетъ, конечно, необыкновенно простое, безыскусственное пониманіе жизни и ея требованій. Ничто естественное не кажется литовцу отвратительнымъ или постыднымъ, еще менѣе—грѣховнымъ. Но онъ презираетъ безстыдство и безнравственность. Въ литовскихъ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ сквернословія, и въ Литвѣ вы не встрѣтите на заборахъ и стѣнахъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, ту спеціальную литературу, которая имѣетъ своимъ предметомъ разныя половыя нечистоты.

На литовскій характеръ, однако, сдерживающимъ образомъ дѣйствовало то мировоззрѣніе, которое было ему навязано извнѣ. У многихъ эта сдержанность обратилась въ покорное повиновеніе судьбѣ, особенно—по отношенію къ судьбѣ ихъ національности. Цѣлыя округа охвачены этимъ чувствомъ. У нихъ осталось одно только желаніе—приобщиться, наконецъ, къ предкамъ.

Очень роковымъ, конечно, было для характера литовца соприкосновеніе съ народомъ высшей матеріальной культуры. Одновременно съ распространеніемъ этой культуры, большей частью

проповѣдывалось также презрѣніе ко всему народно-литовскому. Это дѣлается уже съ дѣтми; и тогда благородныя склонности часто превращаются въ противоположное. И вотъ происходитъ нѣчто очень печальное: послѣ того, какъ его унизили, сдѣлали подлымъ—его еще презираютъ за это самое! Поверхностные наблюдатели говорятъ даже объ этихъ привитыхъ недостаткахъ, какъ о врожденномъ характерѣ литовца вообще.

Литовецъ все же и это прощаетъ. Жизненный опытъ показалъ ему, что брань, которую одинъ человѣкъ хочетъ осыпать другого, всегда возвращается назадъ на зачинщика. Все, что человѣкъ думаетъ, говоритъ или дѣлаетъ, является самымъ точнымъ указателемъ его собственной сущности.

Наконецъ, необходимо еще замѣтить, что кругъ дѣйствія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ чертъ характера ограниченъ только тѣсными отношеніями, простыми жизненными условіями о общественными отношеніями. Въ болѣе крупныхъ задачахъ характеръ не могъ проявить свое дѣйствіе. Это было возможно только иногда—на службѣ у другихъ народовъ. Но такой литовецъ, занимавшій въ такихъ условіяхъ видную должность, не могъ обладать цѣльнымъ характеромъ.

Однако, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій произошла перемѣна и въ этомъ отношеніи. Все чаще и чаще литовецъ видитъ себя вынужденнымъ къ такимъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, которыя имѣютъ значеніе не только для него одного, но и для всей его націи. Предъ нимъ встаютъ все новыя задачи, все чаще онъ рискуетъ жизнью въ служеніи своей націи. И при этомъ уже совсѣмъ явно въ его характерѣ выступаютъ черты древняго героизма. Всевозможныя притѣснительныя мѣры со стороны русской власти вызвали проявленія такой смѣлости и дѣеспособности, которыя поистинѣ поразительны.

Литовцы—въ особенности писатели и поэты, принимаютъ новыя фамиліи, какъ только начинаютъ выступать на общественную арену. Часто толкуютъ это въ томъ смыслѣ, что они желаютъ скрываться подъ этими псевдонимами, что эти фамиліи, слѣдовательно, всегда вымышленныя. Во многихъ случаяхъ это такъ и есть; однако, это не примѣнимо ко всѣмъ. Присваиваемыя литовскими поэтами имена имѣютъ свое значеніе. Точно такъ же, какъ на Востокѣ, эти имена указываютъ на ту миссію, которую взялъ на себя его носитель. Въ этомъ псевдонимѣ данное лицо видитъ свое настоящее имя. И если кто рядомъ съ

этим псевдонимом писателя указывает иногда его настоящее имя, то это не объясняет, а — наоборот — затемняет существенные особенности творчества или деятельности данного лица. Въ этомъ обычаѣ принимать особые псевдонимы сказывается своеобразная, коренящаяся въ глубинѣ характера черта литовца.

Отрицательныя стороны. Какъ уже было сказано, зависимость человѣка отъ окружающаго міра имѣетъ большое значеніе для развитія его способностей. Онѣ могутъ совсѣмъ зачахнуть — или же болѣе или менѣе развиться въ хорошую или дурную сторону. Это относится также и къ литовцу. Безъ сомнѣнія, у него, какъ у другихъ народовъ, есть и дурныя свойства.

Такъ, часто порицаютъ литовцевъ за ихъ ябедничество, пьянство, коварство и хитрость и еще за многое другое. Нельзя отрицать, что эти дурныя особенности встрѣчаются и среди литовцевъ, иногда — даже въ очень большой мѣрѣ. Очень сомнительно, однако, принадлежатъ ли онѣ къ національнымъ недостаткамъ.

Страсть къ судебнымъ процессамъ свойственна нѣкоторымъ сословіямъ, между прочимъ — и въ Германіи. Стоитъ только вспомнить о драмахъ, построенныхъ на этой основѣ; напр. — ложная присяга крестьянина Анценгрубера. Точно также нельзя считать пьянство наследственной особенностью литовцевъ, если только подумать о томъ, что нѣмцы съ древнѣйшихъ временъ пользовались всемірной славой въ этомъ отношеніи. И можетъ быть, въ наше время кое-что становится извѣстнымъ и о любви очень „благородныхъ“ англичанокъ къ напиткамъ.

Если среди литовцевъ и встрѣчается иногда пьянство, то причину этого можно легко найти. Во всякомъ случаѣ, оно не принадлежитъ къ наследственнымъ, врожденнымъ порокамъ. Въ прусской Литвѣ пьютъ больше, чѣмъ въ бывш. русской, гдѣ даже замѣтно стало сильное движеніе въ смыслъ воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. И не малое значеніе сыграло тутъ отвращеніе, вызванное въ литовцахъ сильно пьющими русскими колонистами. Путешествіе пароходомъ отъ Тильзита до границы и далѣе до Ковно можетъ убѣдить всякаго, даже предубѣжденнаго человѣка, въ справедливости этого. Если пьянство и существуетъ среди литовцевъ, то оно обуславливается чисто-мѣстными причинами.

Точно также надо высказать кое-какія возраженія противъ мнѣнія о фальшивости литовцевъ. Фальшивость, хитрость, коварство — это особенности слабыхъ, которые видятъ себя обманутыми, обиженными, поработанными другими, болѣе сильными людьми.

Эти свойства воспитываетъ въ притѣсняемомъ индивидуумѣ самъ безсовѣстный насильникъ, поработитель, обидчикъ. Хитрость, фальшь и коварство слабого человѣка несравненно меньше позорятъ его, чѣмъ того сильнаго человѣка, который стремился обратить слабого въ орудіе своей постыдной жадности или преступнаго стремленія къ власти. Тутъ передъ нами выступаетъ человѣческая преступность, преступность общественная во всей ея тяжести. И если кто когда принялъ въ этомъ хоть самое малое участіе — стыдился бы такой человѣкъ говорить о фальши и хитрости другихъ, притѣняемыхъ и угнетаемыхъ, хотя бы щадя свое собственное чувство чести.

Надо прибавить еще, что, несмотря на всѣ обиды, которыя чинили литовцу въ теченіе вѣковъ, — его характеръ все-таки не поддается никакому униженію человѣческаго достоинства, онъ не считаетъ себя низшей расой. Литовецъ всегда будетъ чувствовать свое человѣческое достоинство, если бѣ даже родился въ цѣпяхъ.

Наконецъ, можно было бы еще указать на изреченіе поэта, обратившееся въ пословицу — которая въ Германіи общераспространена — а именно: дурные люди не имѣютъ пѣсенъ. Какъ могутъ существовать особенно дурныя свойства какъ разъ въ томъ народѣ, который имѣетъ больше пѣсенъ, чѣмъ всякая другая нація!

Религіозность. Литовцы — усердные посѣтители церкви. Объ этомъ мы находимъ отчеты еще въ описаніяхъ прежнихъ вѣковъ. Однако, по этому еще нельзя судить о религіозности народа. Человѣку, какъ сознательному существу, нужны побужденія, которыя подымаютъ его выше надъ повторяющимися жизненными буднями. Сѣрое однообразіе повседневной жизни дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ. А жители деревни, во всемъ мірѣ, наврядъ ли имѣютъ другую возможность, другое средство возвыситься надъ подавляющимъ, притупляющимъ однообразіемъ своей жизни, какъ только участіе въ собраніяхъ, между которыми первое мѣсто по своей серьезности занимаютъ, конечно, религіозныя собранія и торжества. Отсюда такое частое и охотное посѣщеніе церкви у жителей деревни. Задачей церкви является забота объ истинно-религіозномъ воспитаніи народа. И если бы люди ради этого ходили въ церковь — то можно было бы говорить объ истинной религіозности.

Большая часть литовцевъ — католическаго вѣроисповѣданія. Только въ Прусской Литвѣ подавляющее большинство евангелистовъ. Было, однако, время, когда почти все литовцы сдѣлались протестантами. Это случилось сейчасъ же послѣ 1525 года. Наступившая католическая реакція вскорѣ опять вернула большую часть къ католичеству.

Эту переменчивость можно истолковать, какъ доказательство недостатка религіознаго чувства; но, въ дѣйствительности, она указываетъ на нѣчто совсѣмъ противоположное. Для истинно-религіознаго человѣка внѣшнее исповѣданіе имѣетъ очень мало значенія, внутренняя религіозная жизнь составляетъ все. Самыя глубокія религіозныя переживанія нельзя одѣть ни въ какія слова или обряды. Если избытокъ чувствъ только выливается изъ устъ, то это именно только „избытокъ“, а не настоящее зерно, не переживанія.

Трудно сказать, какое изъ обоихъ христіанскихъ исповѣданій вызываетъ больше истинной религіозности у литовцевъ. Католическая церковь, кромѣ собственно-религіознаго элемента, обладаетъ еще многими, что очень сильно говоритъ чувствамъ, а евангелическая — тѣмъ, что охватываетъ мышленіе. Религіозность литовцевъ въ обѣихъ церквяхъ какъ-будто одинаковая. Во всякомъ случаѣ, литовскій католикъ — нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ римскій или баварскій, литовскій протестантъ — далеко не такой, какъ нѣмецкій или французскій, и т. д. Но нигдѣ никто не сомнѣвается въ томъ, что литовецъ необыкновенно религіозенъ.

Его религіозность находится въ тѣсной связи съ характеромъ настроенія. Поэтому-то онъ находится въ такомъ сильномъ родствѣ съ мистикой, средневѣковой и современной. Идеи Оомы Кемпійскаго очень охотно разбираются въ Литвѣ, равно какъ и — Игнатія Лойолы. Среди литовцевъ-протестантовъ очень распространены переводы сочиненій мистическаго характера изъ евангелической церкви.

Особенное выраженіе находитъ религіозность литовца въ благоговѣнно-сосредоточенномъ богослуженіи, въ которомъ преобладаетъ пѣніе. Даже передъ столомъ во многихъ домахъ пропѣваютъ строфу. Передъ началомъ церковныхъ торжествъ рано собравшіеся прихожане поютъ какую нибудь пѣснь, по собственному выбору, съ истинно-религіознымъ воодушевленіемъ. Кто нибудь начинаетъ, и сейчасъ-же къ его пѣнію присоединяются еще нѣсколько, и скоро поютъ уже все присутствующіе. При

этомъ предпочтеніе отдается обыкновенно такимъ пѣснямъ, которыя носятъ отпечатокъ народный, которыя напоминаютъ народныя пѣсни своей мелодіей и ритмомъ, и — замѣчательно — болѣе стариннаго характера. Эти пѣсни созданы большей частью самимъ народомъ.

Религіозность литовцевъ проявляется, однако, не столько въ привычкѣ пѣть сообща, сколько въ томъ, что народъ вообще создалъ религіозныя пѣснопѣнія. Многія изъ нихъ, конечно, представляютъ только подражанія нѣмецкимъ, а можетъ быть — и другимъ церковнымъ пѣснямъ. Однако, новосозданная или заимствованная изъ народныхъ мотивовъ мелодія дѣлаетъ эти пѣсни оригинальными произведеніями, съ особеннымъ, специфически-литовскимъ содержаніемъ. И кто когда-нибудь прислушивался къ пѣнію, напр., кантаты „Великій Пророкъ“ въ евангелической литовской церкви, того неотразимо охватываетъ богатая, мощная, чистая полнота звуковъ, которая его окружаетъ, и искренность чувства, съ которыми поютъ участники. Подобное можно сказать и объ очень любимой пѣсни „Полная рука“ или „Kur tiktai as vaikstineju“ („Куда я ни иду“).

Въ высшей степени замѣчательно, что пѣсни, сочиненныя обыкновенными крестьянами, очень выгодно отличаются отъ многихъ совершенно невозможныхъ рѣмъ литовскаго евангелическаго церковнаго требника. Надо только почитать, напримѣръ, похоронныя пѣсни и при умирающихъ. Какая дикость въ мысляхъ и языкѣ! Это превосходить всякое представленіе. Можно это объяснить только тѣмъ, что работавшіе надъ переводомъ священныя пѣсенъ духовные думали, что они будутъ только тогда понятны народу, когда будутъ употреблять какъ можно больше суровыхъ выраженій. Однако же, къ человѣку лучше всего подходятъ, апеллируя къ его болѣе глубокимъ чувствамъ; иначе не можетъ быть никакого благотворнаго вліянія, никакой возможности вести людей впередъ. Само собою разумѣется, такой способъ вліять на людей предполагаетъ у самого пастыря чистую религіозность, проникновенія истиннымъ чувствомъ, что не приобрѣтается никакими внѣшними приемами. Поэтому-то она такъ рѣдка, и встрѣчается только у совершенно нѣжныхъ душъ и правдивыхъ характеровъ. Истинная забота о религіозности, безъ всякихъ побочныхъ цѣлей, поэтому, — не особенно частое явленіе вообще, а въ особенности — по отношенію къ литовцамъ. Возможно, ея и не имѣютъ въ виду.

Въ связи съ этимъ, а можетъ быть — также и съ свойствомъ литовца смотрѣть на жизнь естественно и просто, находится, по всей вѣроятности то, что у литовцевъ нерѣдко встрѣчаются люди, которые высказываются очень своеобразно и трезво въ религиозныхъ вопросахъ. Если, однако, присмотрѣться къ нимъ поближе, то обнаруживается, что у этихъ людей, большею частью, чувства нѣкоторымъ образомъ оупѣли; или они наслышались чего-то о новыхъ, такъ называемыхъ монастическихкихъ ученiяхъ; или же, наконецъ, они не музыкальны. Музыкальное и вообще художественное чувство самымъ тѣснымъ образомъ связано съ религиозностью. Кто неспособенъ испытывать извѣстныхъ настроенiя, тотъ не можетъ чувствовать источника религиозной силы, для того она и не существуетъ вовсе.

Независимо отъ всего этого, религиозность литовца проявляется еще въ совсѣмъ особенной формѣ, которую, однако, большею частью считаютъ остаткомъ язычества. Литовецъ еще и теперь обладаетъ необыкновенно богатой фантазiей для представлений изъ міра сверхъ-чувственного, и въ особенности — объ умершихъ. Въ этомъ можно найти отголоски древняго культа мертвыхъ и предковъ. Однако, это не безусловно вѣрно. То, что человекъ самъ какъ-будто переживаетъ, — это не можетъ быть порождено только одной традиціей. Дѣло тутъ, просто, въ томъ, что литовцу вообще, а нѣкоторымъ индивидуумамъ особенно природа кажется менѣе матеріальной, чѣмъ людямъ другихъ національностей. Въ этомъ отношенiи литовецъ имѣетъ сходство съ сѣверными расами.

Сказанное здѣсь возбудить, конечно, у многихъ лицъ сильныя возраженiя, въ основѣ которыхъ, однако, лежитъ предположенiе, не выдерживающее критики, о томъ, что воспринимающій аппаратъ у человека и начало познания гораздо менѣе измѣнчивы, чѣмъ булыжникъ. Первый (т. е. воспринимающій аппаратъ) у многихъ, особенно — у т. н. „первобытныхъ“ народовъ гораздо нѣжнѣе, чѣмъ у т. н. культурныхъ народовъ. Поэтому у нихъ, естественно, и міровоззрѣніе должно быть другое, а также — тотъ комплексъ представлений, который служитъ для выраженiя религиозныхъ идей. Заклеймить эти представленiя, какъ глупое суевѣрiе — по меньшей мѣрѣ немного легкомысленно. Самое большое, можно говорить тутъ о ложномъ толкованiи фактовъ дѣйствительности. Болѣе замѣчательное собраніе рассказовъ, имѣющихъ предметомъ эти вещи, составлено Виліусомъ Кальвай-

тисомъ и издано д-ромъ I. Басанавичусомъ, подъ заглавiемъ *Is Gyvenimo Veliu bei Velniu. Surinko Dr. J. Basanavicius. Chicago, III. 1903.*

Оригиналы. За послѣднія десятилѣтія во всемъ культурномъ мірѣ, повидимому, появилось все увеличивающееся число оригиналовъ. Въ Литве ихъ всегда было множество. Первое мѣсто между ними занимаютъ тѣ, которые отличаются отъ другихъ въ религиозномъ отношенiи. Въ сущности, въ нихъ нѣтъ ничего особенно страннаго. Но тѣмъ больше о нихъ говорятъ. И въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно, съ народной фантазiей, или тѣмъ, что можетъ быть названо суевѣрiемъ. Большею частью, этимъ выдающимся въ религиозномъ отношенiи лицамъ, рядомъ съ ихъ внутреннимъ достоинствомъ, приписываются еще, какія-то магическія цѣлебныя силы и способность дѣйствительнаго благословенiя; но данныя лица почти никогда не пользуются сознательно этими свойствами. Однако, эти ихъ силы будто бы очень часто проявляются.

Нѣкоторые изъ этихъ людей имѣютъ очень мало общаго съ религіей и церковью; однако, они обладаютъ удивительной силой и если нужно, — то они себя проявляютъ. Такъ, много рассказываютъ въ окрестностяхъ Мемели, въ 80-хъ годахъ прошлаго 19-го вѣка, о нѣкоемъ Пиклапсѣ.

Другой родъ оригиналовъ — это люди, которые сознательно пользуются своей силой для лѣченiя больныхъ. Многие изъ нихъ пользуются значительной извѣстностью, какъ Радсцувейтъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Къ такимъ людямъ принадлежатъ также всѣ тѣ знахари, занимающіеся лѣченiемъ, къ которымъ народъ чувствуетъ такое-то враждебное предубѣжденіе, но тѣмъ не менѣе спрашиваютъ у нихъ совѣта.

Совершенно особое значеніе имѣли въ разныя времена между литовцами апостолы-проповѣдники улучшенiя человечества; къ нимъ принадлежатъ знаменитый Блинда, Раудонкрутинисъ, Лигнугарисъ въ Шемайтахъ, которые выступали, со многими чудесными знаменiями, какъ защитники угнетаемыхъ отъ угнетателей. Опять же, къ этому роду оригиналовъ примазались тѣ преступники, которые, даже схваченные, ухитрились разрывать всякія цѣпи; между ними въ Прусской Литвѣ особенно извѣстенъ былъ Радушаты.

У всѣхъ этихъ оригиналовъ мы имѣемъ дѣло съ особен-

ними силами, которыя предполагаются у нихъ окружающими. Для большей части, однако, принимается наличность способности второго зрѣнія. Почти въ каждой деревнѣ можно слышать о томъ или другомъ лицѣ, которыя среди предметовъ чувственнаго міра будто бы видятъ еще другія существа и вещи, совершенно недоступныя другимъ людямъ.

ЛИТОВСКОЕ СЛОВО.

Рѣчь. Литовскій языкъ, вмѣстѣ съ латышскимъ и исчезнувшимъ древне прусскимъ языками образуетъ особую вѣтвь индо-европейской семьи языковъ; это такъ часто повторялось за послѣднее время. Конечно, кто возьметъ въ руки одну изъ старыхъ грамматикъ, тотъ, возможно, склоненъ будетъ смотрѣть на литовскій языкъ, какъ на близко родственныя славянскимъ языкамъ. Такъ, напримѣръ, А. Зейдель въ своей грамматикѣ приводитъ девять словъ, чтобы доказать, что многія слова встрѣчаются одинаково въ литовскомъ и славянскихъ языкахъ. Однако-жъ, каждый даже полуграмотный литовецъ знаетъ, что четыре изъ нихъ — иностранныя слова, а именно: *knyga*, *szia*, *bagas*, *czystas*. Можно установить по меньшей мѣрѣ такое же близкое родство литовскаго языка съ греческимъ, латинскимъ и германскимъ. и гораздо болѣе близкое — съ санскритскимъ. Далѣе, извѣстно, что изъ всѣхъ живыхъ языковъ литовскій — самый богатый формами. Онъ при склоненіи различаетъ единственное, двойственное и множественное число. Падежей употребляется 7; и кромѣ того, есть еще два, которые образуются присоединеніемъ особыхъ окончаній или слоговъ; напр. *Dievas*. Богъ, *Dievori*, къ Богу; *giris*, лѣсъ, *giriŃ* къ лѣсу.

Спряженіе глаголовъ, однако, очень просто. Есть только небольшое число различныхъ окончаній. Для образованія дѣйствительной и страдательной формъ употребляется только одинъ вспомогательный глаголъ; разница только въ причастіи (*participium*), которое для страдательнаго залога имѣетъ другую форму, чѣмъ для дѣйствительнаго; оно можетъ быть образовано отъ любого времени каждаго глагола. Число причастій очень велико.

Предложенія имѣютъ строгую и сжатую конструкцію анти-

ныхъ языковъ. Очень часто ставится, напримѣръ, родительный опредѣлительный между прилагательна и существительнымъ; *ablatus instrumenti*— вещь очень употребительная въ литовскомъ языкѣ; вспомогательный глаголъ очень охотно опускается; послѣ глаголовъ, означающихъ: сказать, желать и т. п. всегда употребляется форма возможности; цѣлыя басни рассказываются въ сослагательномъ (вѣрнѣе — въ конъюнктивномъ) наклоненіи, образуемомъ, конечно, причастіями, однако ни въ коемъ случаѣ не какъ суррогатъ; употребленіе предлоговъ очень скупо, и они встрѣчаются часто только въ испорченной литовской рѣчи; подчиненіе придаточныхъ предложеній главнымъ гораздо болѣе тѣсное, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ. сочиненіе же предложеній происходитъ не столько съ помощью союзовъ, сколько по смыслу рѣчи и т. д.

Совершенно особенный и для настоящаго времени одиноко стоящій, исключительный характеръ имѣетъ литовская рѣчь въ ритмическомъ отношеніи. Она течетъ, именно, подъ напряженіемъ двухъ параллельныхъ ритмовъ, которые какъ бы противо-дѣйствуютъ другъ другу. Основной ритмъ — это смѣна долгихъ и краткихъ гласныхъ или слоговъ. Сюда еще присоединяется мѣна высокихъ (ударяемыхъ) и низкихъ тоновъ. И удареніе падаетъ часто, вопреки силѣ долгаго, полнаго гласнаго, на краткій гласный звукъ, напр. — у отдѣльныхъ словъ: *sunus* сынъ, *ure* рѣка. Но удареніе мѣняется въ различныхъ падежахъ большей части склоняемыхъ словъ, оно переходитъ отъ одного слога на другой, конечно — изъ этихъ двухъ слоговъ. Однако, ритмъ ударенія имѣетъ только второстепенное значеніе. Народъ не особенно и чувствуетъ его, и еле замѣчаетъ нарушеніе его, ибо въ хорошемъ литовскомъ языкѣ удареніе никогда не должно быть особенно сильно. Рѣчь плавно течетъ, скорѣе какъ пѣсня. Поэтому-то и сохранилось до сихъ поръ богатство формъ. Сильное удареніе, особенно — если бы оно гдѣ нибудь закрѣпилось, имѣло бы послѣдствіемъ отпаденіе окончаній. Въ Жмуди удареніе часто привыкли уже ставить на первомъ слогѣ, и это угрожаетъ существованію окончаній Тутъ ритмъ ударенія совершенно превратился въ чередованіе сильныхъ (ударяемыхъ) и слабыхъ звуковъ гласныхъ какъ во многихъ другихъ діалектахъ.

Эта особенность литовскаго языка очень часто не достаточно ясно понимается. Поэтому даже сами литовцы дѣлаютъ громадныя усилія, въ отношеніи удареній, а именно — въ смыслѣ

силы тона (ударенія), между тѣмъ, какъ на долготу и краткость звуковъ обращаютъ меньше вниманія, или даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія. И тѣмъ не менѣе, удареніе различной силы ни въ коемъ случаѣ не составляетъ чисто литовской особенности.

Литовскій языкъ отличается также своимъ благозвучіемъ. Онъ очень богатъ гласными. Особенно часто встрѣчается звукъ а; изъ дифтонговъ (двойныхъ гласныхъ рядомъ съ другими), заслуживаетъ вниманія *uo*. По чистотѣ встрѣчающихся различныхъ звуковъ, сравнительно съ нѣмецкимъ языкомъ, находятъ слѣдующія соотношенія:

а	лит.	5,	нѣм.	2;	е	лит.	1,	нѣм.	3;	і	лит.	2,	нѣм.	1;
о	"	3,	"	2;	и	"	3,	"	2;	ј	"	3,	"	1;
к	"	5,	"	2;	р	"	2,	"	1;	г	"	2,	"	3;
п	"	1,	"	2										

Другіе звуки встрѣчаются въ обоихъ языкахъ сравнительно одинаково часто. Эти наблюденія дѣлаютъ наборщики въ типографіяхъ, въ которыхъ одинъ и тотъ же шрифтъ употребляется и для нѣмецкой и для литовской печати. Литовскому языку недостаетъ звуковъ *f* и *h*, нѣмецкому же языку изъ литовскихъ звуковъ недостаетъ того, который произносится, какъ французское *j* (русское *ж*).

Что касается произношенія согласныхъ звуковъ, для литовскаго языка характернымъ является перемѣщеніе мѣста произношенія спереди назадъ и наоборотъ. И нѣмецъ поступаетъ такимъ же образомъ при *g* и *k*, но онъ произноситъ эти звуки только передъ чистыми гласными, между тѣмъ какъ литовецъ производитъ ихъ и передъ глухими. Подражать этому трудно для нѣмца, и потому слѣдующій за *k* гласный звукъ большей частью измѣняютъ, и въ грамматикахъ, опирающихся на литовскую рѣчь съ нѣмецкимъ вліяніемъ, такой гласный звукъ и пишется соответственнымъ образомъ; напр. *kia* произносится какъ нѣмецкое *kä*. Это, однако, совершенно неправильно.

Какъ съ упомянутыми звуками литовецъ поступаетъ и съ другими, какъ *l*, *r*, *s*, и т. д. Различіе еле уловимо для нѣмецкаго уха. Но на письмѣ литовецъ указываетъ на это посредствомъ *i* передъ глухими гласными (послѣ этихъ согласныхъ); напримѣръ *siulas*, *varias*

При зубныхъ звукахъ склонность артикулировать по воз-

можности ближе спереди повлекла за собою постепенное прибавленіе полугласнаго *i*; затѣмъ—артикулируемаго совершенно спереди *i*; наконецъ, подъ вліяніемъ славянскаго произношенія, даже звука *ш*; такъ, напримѣръ, *matiau* (я видѣлъ) съ теченіемъ времени обратилось въ *maciau* (произн. *mariaiu*). Послѣ губныхъ звуковъ существуетъ сильная тенденція произносить *j*; напр. въ словѣ *l'biau*—это полугласный звукъ, который и долженъ писаться *i*; однако, подъ вліяніемъ славянскаго начинаютъ произносить и даже писать *j*; этимъ стирается гласный характеръ этого звука въ литовскомъ. Однако, литовцы уже на пути къ исправленію этого. Фридрихъ Куршатъ уже десятки лѣтъ назадъ съ тонкостью попалъ въ самую точку въ отношеніи этой особенности.

Литовскій языкъ очень мало измѣнился въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Только нѣсколько оканчаній сокращены, только нѣсколько звуковъ, какъ правило, опущены. Однако, произношеніе въ различныхъ мѣстностяхъ глубоко отличается одно отъ другого. Во всей Литвѣ насчитываютъ около 11 нарѣчій. Между ними есть такія, которыя произносятъ очень глухо отдѣльные гласные звуки, какъ *a* и *o*; другія отличаются носовымъ произношеніемъ; третьи же обращаютъ долгія гласныя въ дифтонги. Но языкъ образованныхъ классовъ всегда предпочиталъ чистые и полные гласные звуки, какъ они произносятся въ рядѣ нарѣчій. Недостаточно отличать верхнелитовскій языкъ отъ нижнелитовскаго для характеризованія того, что литовцы вообще считаютъ хорошимъ и красивымъ нарѣчіемъ. Къ тому же, мы находимся въ настоящее время въ средине процесса оживленія литовскаго языка, въ первой линіи, конечно, въ отношеніи выразительности.

Процессъ этотъ обнимаетъ уже значительный періодъ времени, около 40 лѣтъ и больше. Начало его лежитъ въ стремленіи отдѣльныхъ образованныхъ литовцевъ выразить на родномъ языкѣ то душевное содержаніе, что возвышается надъ внутренней жизнью массы. При этомъ съ самаго начала проявилась сильная склонность отвергать всякія иностранныя слова; хотя эти люди никогда не доходили до выходокъ нѣмецкаго общества очищенія языка. Наоборотъ, старались указать, какъ много заимствовали у литовскаго другіе языки, въ особенности же—славянскіе. Дѣйствительно, кажется, что этотъ вопросъ недостаточно еще изслѣдованъ; и, однако-жъ, отъ много долженъ бы способствовать вы-

явленію отношеній этихъ языковъ и культурнаго значенія, какое имѣли другъ для друга соответствующіе народы. Это еще остается задачей литовской науки.

Съ расширеніемъ литовской періодической печати и литературы, въ жизни литовскаго языка появился новый элементъ. Запасъ выражений различныхъ нарѣчій собрался воедино; множество словъ притекло въ языкъ образованнаго класса и, конечно, также въ литературу. Смыслъ различныхъ выражений, конечно, не совсѣмъ ясно былъ понятъ. Многие слова и выраженія приобрѣли различное значеніе въ различныхъ нарѣчіяхъ. Для очень многихъ понятій имѣли большое число различныхъ выражений. Эти выраженія слѣдовало разграничить въ смыслѣ ихъ значенія и взаимнаго отношенія. Этотъ процессъ въ настоящее время въ полномъ ходу.

Между тѣмъ, были попытки и другимъ путемъ помочь чувствующемуся иногда недостатку въ выраженіяхъ для болѣе тонкихъ внутреннихъ состояній, какъ и для вещей и отношеній вѣншей культуры. Были изобрѣтены литовскія слова по образцу подобныхъ же словъ въ другихъ языкахъ. Это дѣлалось часто людьми, не имѣвшими къ тому никакого призванія, да и теперь это дѣлается такъ. Но притокъ словъ изъ устъ народа теперь очень скоро вытѣсняетъ построенная такимъ образомъ слова. Богатство исконно-литовскихъ выражений, особенно для духовной жизни вообще, поразило даже самихъ литовцевъ. Собираніе и использованіе этихъ выражений въ литературной рѣчи, конечно, продолжается. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что и духъ языка, способъ мышленія по-литовски постигаются все больше. Славянская и германская конструція предложеній сознательно избѣгаются. Изъ словообразованія тоже изгоняется чужое вліяніе. Правописаніе также приравливаютъ больше къ звукамъ корней и духу языка; хотя многимъ литовцамъ и трудно бываетъ освободиться отъ нѣкоторыхъ очень грубыхъ неорганическихъ слѣдовъ славянскаго.

Такимъ путемъ развивается литовскій языкъ, издавна славящійся полнотой звуковъ, и становится особенно благозвучнымъ средствомъ выраженія человеческого духа. И встрѣчавшееся иногда утвержденіе о бѣдности языка въ словахъ оказалось только знаменіемъ нѣкоторыхъ. Несмотря на сравнительно малое число людей говорящихъ по-литовски, этотъ языкъ, по видимому, является именно тѣмъ, который изъ всѣхъ живыхъ

языковъ имѣетъ болѣе всего словъ первобытныхъ. Притомъ, очень многія изъ этихъ словъ гораздо легче, чѣмъ въ другихъ языкахъ, даютъ возможность дойти до основнаго значенія.

Пѣсня. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ литовскій языкъ не былъ предметомъ особенныхъ заботъ и попеченій; онъ развивался, какъ дикое растеніе. Тѣмъ удивительнѣе поэтому народная поэзія, расцвѣтшая изъ этого языка. Существуетъ безчисленное множество литовскихъ народныхъ пѣсней. Не всѣ онѣ, конечно, содержатъ частую поэзію; однако, есть между ними много такихъ, которыя заключаютъ самыя тонкія и глубокія переживанія. И какъ ни просты иногда пѣсни, онѣ все же принадлежатъ къ самому прекрасному, что когда-либо было создано народомъ въ поэзіи. Сюжетъ ихъ, какъ всегда въ народной пѣснѣ, это — взаимоотношеніе половъ. Но попутно затрагиваются всѣ вопросы деревенской жизни. И всегда — в самыхъ нѣжныхъ тонахъ.

По формѣ народныя пѣсни очень просты. Особенной оригинальностью отличаются трех — и пятистопная строфа. Рифмой въ болѣе серьезныхъ пѣсняхъ пренебрегаютъ. То, что говоритъ Робертъ Гаммерлингъ о рифмѣ въ нѣмецкомъ языкѣ, въ далеко высшей мѣрѣ примѣнимо къ литовскому. Этотъ послѣдній языкъ съ своимъ чуднымъ ритмомъ отказывается отъ рифмы. Конечно, въ литовскихъ пѣсняхъ, какъ въ нѣмецкихъ, нельзя найти ритма художественнаго (Д-ръ Франц Тетцнеръ издалъ у Реклама въ Лейпцигѣ небольшой этюдъ о литовскихъ народныхъ пѣсняхъ — дайнахъ).

Уже прошло много времени, какъ дайна не звучитъ болѣе по-старому, и далеко не такъ часто. Новое время съ своей матеріальной культурой оказываетъ свое вліяніе и въ Литвѣ. И какъ оно въ другихъ мѣстахъ уже давно задушило народную пѣсню, такъ оно и въ Литвѣ лишаетъ ее жизни. Но въ Литвѣ, кромѣ этого, есть еще одно обстоятельство, которое стало опаснымъ для литовской народной пѣсни: это чужія, а именно — польскія, русскія и нѣмецкія пѣсни. Эти чужія пѣсни распространились потому, что привлекали, какъ нѣчто новое; ихъ заучивали, имъ подражали. Но этимъ самымъ сдавливалось и атрофировалось самостоятельное творчество, вытекавшее изъ сущности, изъ поэтическаго дара самого пѣвца. При подражаніи творческая сила можетъ проявиться только при опредѣленныхъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ стали собирать литовскія народныя пѣсни. Первые начали дѣлать это нѣмцы, потомъ — и сами литовцы, и даже поляки и финны. Такимъ образомъ записано было поразительное множество текстовъ и мелодій. Самое обширное собраніе ихъ принадлежитъ Антону Юшкевичу: мелодіи къ нимъ изданы Сигизмундомъ Носковскимъ и Иоганномъ Бодуэнъ-де-Куртоне въ Краковѣ, въ 1900 году. Другое большое собраніе ихъ издано Хр. Бартшемъ въ Гейдельбергѣ 1888. („Университетская Библиотека“ Карла Винтера). Къ сожалѣнію, въ этомъ изданіи только первая строфа напечатана по-литовски. Очень цѣнное собраніе, наконецъ, составлено финскимъ ученымъ д-ромъ А. Р. Ниеми и литовскимъ Ксендзомъ А. Сабалаускасомъ, и издано финскимъ, научнымъ обществомъ *Suomalainen Tiedeakatemia* въ 1912 году. Тамъ можно найти очень интересныя замѣчанія о литовской пѣснѣ. Предисловіе написано также и по-нѣмецки.

Одновременно съ этими попытками совершилась другая перемѣна въ жизни литовской пѣсни. Съ давнихъ поръ уже даины пѣлись не только отдѣльными пѣвцами, но и нѣсколькими, многоголосно. Между тѣмъ, какъ солистовъ можно было слышать все рѣже, тріо, квартеты и хоры встрѣчались все чаще. Вскорѣ они появились въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ имѣніи. Толпа все больше привыкала слушать, хоры становились все популярнѣе. Во многихъ мѣстахъ они даже приобрѣли значительную извѣстность.

Наконецъ, появились также литовскіе артисты, получившіе музыкальное образованіе въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Миланѣ, Петербургѣ и т. д. Они облекли старыя, полузабытыя, находившіяся въ полномъ пренебреженіи народныя мотивы въ художественныя формы. Они составляли мелодіи, даже оперетты, обильно используя для нихъ народныя мотивы. Они управляли деревенскими хорами, подготавливая ихъ къ концертнымъ выступленіямъ. Въ прусской Литвѣ существуетъ множество такихъ хоровъ. Въ прусской Литвѣ действовалъ „литовскій Союзъ Пѣвцовъ“, который устраивалъ ежегодно въ разныхъ городахъ и болѣе крупныхъ пунктахъ до десяти концертовъ, въ которыхъ смѣшанный хоръ пѣлъ исключительно народныя пѣсни и новѣйшія композиціи съ мотивами изъ дайнъ. Литовскій союзъ пѣвцовъ исполнилъ то, на что были направлены стремленія и старанія — болѣе чѣмъ 20 годами раньше — Эдуарда Гизевиуса (изъ Тильзита), этого друга литовскаго быта и литовской пѣсни,

Изъ наиболѣе извѣстныхъ литовскихъ композиторовъ назовемъ М. Чурляниса, Т. Саснаускаса, Микаса Петраускаса, Ст. Шимкуса, Науялиса, Чурлянисъ составилъ сборникъ народныхъ пѣсень для школь, для двухъ и болѣе голосовъ (издано въ Варшавѣ въ 1909 году); далѣе различныя симфоническія сочиненія, еще ожидающія издателя. Саснаускасъ опубликовалъ рядъ сочиненій, многоголосныя обработки народныхъ пѣсень для смѣшаннаго хора, а также собственныя композиціи. Петраускасъ, самъ — пѣвецъ, до войны еще переѣхалъ въ Америку, гдѣ управлялъ литовской музыкальной консерваторіей; онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій. Сюда относится также упомянутая выше свадьба, далѣе — упомянемъ оперу „Virute“, оперетты „Шіена-пите“ („Сѣнокосъ“), „Думшлостисъ пр Малупиникасъ“ („Трубочистъ и Мельникъ“). Ст. Шимкусъ далъ рядъ прекрасныхъ одноголосныхъ пѣсень и очень удачный выборъ дайнъ для смѣшаннаго хора. Науялисъ написалъ различныя сочиненія свѣтскаго и духовнаго содержанія.

Въ прусской Литвѣ пользуется извѣстностью сборникъ многоголосныхъ дайнъ, обработанныхъ Альбертомъ Стороста, П. В. Вольфомъ и Карломъ Янцемъ, подъ названіемъ „Литовскія народныя мелодіи. Тильзитъ 1904“. П. В. Вольфъ и Рихардъ Фрикке обработали также нѣкоторыя литовскія даины также исключительно для нѣмецкаго хора. Собраніе 33 пѣсень съ народными мелодіями или народными мотивами для 3 и 4 голосовъ издано также мною въ Тильзитѣ въ 1909 году, подъ названіемъ „Lietuvos Varpeliai“.

Война положила конецъ этой жизни. Изъ перечисленныхъ данныхъ можно многое заключить. Литовская пѣсня, изъ узкихъ круговъ, гдѣ она, казалось, была осуждена на смерть, выбилась на просторъ, на общественную арену, такъ сказать. Въмѣсто тихой, уединенной созерцательности, она вдругъ очутилась среди кипучей жизненной дѣятельности. Наконецъ, она сдѣлалась предметомъ художественнаго творчества. Литовская художественная пѣсня оказалась какъ разъ на мѣстѣ, чтобы безъ всякаго перерыва начать свое развитіе изъ народной пѣсни.

Духовная пѣсня также — особенно, въ прусской Литвѣ — по своей мелодіи совершенно народна, какъ уже выше было сказано, и носить свой особенный характеръ. Часто въ ней можно опять найти такъ называемыя греческіе тона. Мелодіи, повидимому,

когда-то были тѣ же, что въ дайнахъ, и на нихъ переложили религиозные тексты. Сильно бросается, однако, въ глаза, а именно—что какъ эти, теперь духовныя мелодіи, такъ и теперешнія дайвы (свѣтскія) въ прусской Литвѣ носятъ гораздо болѣе выраженный отпечатокъ древности, чѣмъ народныя мелодіи въ русской Литвѣ, хотя и здѣсь и тамъ часто встрѣчаются тѣ же самые мотивы. Чурляписъ во второй части сочиненія своей супруги *Lietuvoje*, Вильно 1910 г., далъ небольшой, но отличный этюдъ о характерѣ литовскихъ народныхъ мелодій.

Древнѣйшая литература. Въ книгахъ о Литвѣ, даже и за послѣдніе годы, можно встрѣтить мысль, что литовскій народъ имѣлъ только одного національнаго поэта—Христіана Доналитіуса (по-литовски *Duonelaitis*), который жилъ в 1714—1780 г. около Гумбиннена. Однако, это не совсѣмъ вѣрно. Доналитіусъ написалъ около средины XVIII вѣкахъ дидактическія поэмы о четырехъ временахъ года и еще нѣсколько сказокъ; но эти произведенія были изданы только въ 1818 году, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ Rhesa. Послѣднему принадлежитъ также заглавная надпись „Времена года“.

Эти поэмы написаны гекзаметромъ, болѣе легкимъ, чѣмъ стихи Гете и Шиллера въ греческомъ размѣрѣ. Это обуславливается, конечно, свойствами литовскаго языка; однако, тутъ есть и заслуга нашего поэта. Онъ мастерски владѣлъ своимъ языкомъ и имѣлъ даръ поэтическаго изображенія въ совсѣмъ особенной мѣрѣ. Его образы изъ жизни природы и людей въ теченіе года очень живы и читаются съ захватывающимъ интересомъ. И со времени Rhesa эти поэмы Доналитіуса сдѣлались тѣмъ произведеніемъ слова, по которому обыкновенно изучали литовскій языкъ. Такимъ образомъ, эти поэмы приобрѣтали все больше и больше значенія, къ ихъ красотамъ все больше и больше присматривались и оцѣнивали, и, наконецъ, онѣ заслонили собою всѣ прочія произведенія литовской поэзіи, и сдѣлались будто бы единственными достойными вниманія.

И несмотря на все это, несмотря на великолѣпный гекзаметръ и на богатство поэтическихъ образовъ—эти поэмы немного даютъ современному образованному литовцу. Ихъ языкъ, такъ сказать, перегруженъ славянизмами, которые можно бы замѣнить очень хорошими давно употребительными литовскими словами. Притомъ, трактуемый предметъ совершенно лишенъ всякой

высшей идеи; хотя надо признать, что изображеніе его одушевлено глубокимъ чувствомъ, и соотвѣтственныя обстоятельства освѣщаются разумною, хетъ и нѣсколько узкой мыслью. Эта поэзія и въ свое время не могла оказывать болѣе значительнаго вліянія на литовцевъ, ибо она была имъ мало знакома. Такимъ образомъ, и языкъ, и содержаніе ее имѣютъ почти исключительно историческое значеніе.

Но въ отношеніи литовскаго языка эта поэзія все же имѣетъ особенное значеніе. До нея въ литовскомъ языкѣ не было ничего подобнаго. Она какъ бы появилась внезапно изъ ничего, и съ удивительнымъ блескомъ. Для литовскаго языка это—хорошее предзнаменованіе. Золушка въ действительности все же принцесса!

Однако, произведенія Доналитіуса ни въ коемъ случаѣ не стоятъ особнякомъ. Другія, конечно, еще менѣе важны по объему; но по поэтическому содержанію, на примѣръ хотя бы произведеніе Антанаса Баранаускаса „*Anyksciu Suilelis*“ („Роща въ Аникштахъ“) ни въ коемъ случаѣ не уступаетъ „Временамъ Года“. Правда, оно было написано почти на 100 лѣтъ позже; но появилось въ печати едва 40 лѣтъ послѣ „Временъ Года“ и гораздо больше распространилось среди литовцевъ. Баранаускасъ написалъ еще рядъ большихъ поэмъ, какъ напр. „Воспоминанія о прошломъ“.

Какъ и другіе литовскіе поэты—даже и современные—Баранаускасъ имѣетъ ту особенность, что онъ долго держалъ у себя свои произведенія и не печаталъ ихъ. Только повинувся почти принужденію, онъ ихъ читалъ въ кругу своихъ ближайшихъ друзей.

Рядомъ съ произведеніями Баранаускаса надо упомянуть и о произведеніяхъ Діонисія Пошки († 1831): „Письмо къ Фаддею Чацкому“, „Мой Садикъ“, „Крестьянина въ Жмуди и въ Литвѣ“. Далѣе идутъ писатели и поэты Антанасъ, Драсдаускасъ, Симанасъ Станевичусъ, Симанасъ Даукантасъ, написавшія толстыя томы объ исторіи Литвы, Лауринасъ Ивинскісъ, Мотеусъ, К. Валанчусъ, который рядомъ съ другими произведеніями написалъ, какъ епископъ, цѣлый рядъ литовскихъ сочиненій преимущественно духовнаго содержанія и исторію Самогитской епархіи.

Въ прусской Литвѣ около средины XIX вѣка пользовался извѣстностью, какъ литовскій писатель, прежде всего, Фридрихъ

Куршаты съ своимъ періодическимъ изданіемъ „Keleivis“, которое впоследствии дало поводъ къ основанію цѣлаго ряда газетъ, въ нихъ принимали участіе въ преимущественно простые крестьяне, выступаая, какъ поэты и писатели.

Древнѣйшими письменными памятниками литовскаго языка считаются переводъ лютеровскаго катехизиса, сдѣланный Мартиномъ Мосвидіусомъ (Maszyvdas), Кенигсбергъ 1547, и „Postilla Katolicka“ Николая Даукши, Вильно 1599 г. Отъ того времени сохранились еще другіе письмена, все они служили для целей церковныхъ. Въ прусской Литвѣ были изданы сборники церковныхъ пѣсней на литовскомъ языкѣ уже въ 1589, а въ 1591 г.—„Postilla“ Ионаса Бреткунаса. Послѣдній также перевелъ впервые Библию на литовскій языкъ; однако, напечатана она тогда не была. Только въ 1735 г. появилась Библия на литовскомъ языкѣ.

Наиболѣе древнее изъ извѣстныхъ начертаній литовскихъ словъ, представляетъ литовскій поясъ—юста—относящійся къ 1512 году. Эта юста принадлежитъ нѣкому г. Пеге въ Дрезденѣ. По ней заткана общезвѣтная дайна, которая въ русскомъ прозаическомъ переводѣ гласитъ: „Я росла около матери и не знала никакихъ заботъ. Я гуляла по саду и свила себѣ вѣнокъ изъ руты. Я вышла изъ сада и открыла калитку. Вѣнокъ упалъ съ моей головы“. (Эти замѣтки находятся у д-ра Гайгалата, Lietuvos Nusidavimų, Тильзитъ).

Когда читаешь о томъ, сколько труда потрачено богослововъ въ прусской Литвѣ, чтобы снабдить литовцевъ церковными пѣнопѣніями, проповѣдями и Библией на ихъ языкѣ,—то трудно отдѣлаться отъ мысли, что эти люди находились подъ какимъ то внушеніемъ, что литовскій языкъ осужденъ на смерть. Даже и у тѣхъ литовскихъ авторовъ едва можно замѣтить живую, полную надеждъ струю лингвистической силы литовцевъ.

Совсѣмъ не таковъ путь, который ведетъ отъ народной пѣсни дальше. Начиная съ той первой поднеси на литовское юостѣ, часто появляются маленькіе сборники литовскихъ народныхъ пѣсней. Особенно удачное, хоть и маленькое собраніе принадлежитъ L. Rhesa, Кенигсбергъ 1825. Какъ Rhesa собиралъ эти пѣсни, можно видѣть изъ его нѣмецкихъ стихотвореній „Frutena“, Кенигсбергъ 1809 и 1824, въ которыхъ онъ трогательнымъ образомъ воспѣваетъ судьбу древнепрусскаго

(литовскаго) народа. Разнообразнѣйшіе сборники народныхъ пѣсней, какъ упомянутые и еще другіе (напр. „Rutu Lapeliai“, „Листочки Руты“, Вилуса Калвайтиса), долгое время представляли всю литовскую литературу. Надо еще обязательно помнить, что тѣ народныя пѣсни, которыя были преданы печати, были еще живы въ памяти народа, и что записи ихъ такимъ образомъ служили только доказательствами, что народъ владѣлъ богатными сокровищами языка, которыя самъ себѣ безпрестанно создавалъ.

Новая литература. Роковое время настало для литовскаго слова въ б. русской Литвѣ съ началомъ шестидесятыхъ, а въ прусской—съ началомъ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка. Послѣднее польское возстаніе, въ которомъ принимали участіе и литовцы, легко было подавлено русской властью. Но, между тѣмъ какъ поляки имели возможность продолжать развитіе своей литературы—литовцамъ было запрещено печатать свои письмена обыкновенными латинскими буквами. Но именно тогда и въ виду этого литовцы начали самостоятельно мыслить и писать. Они не боялись ни тюрьмы, ни Сибири; приходили даже оттуда въ письмахъ пѣсни, которыя переходили изъ устъ въ уста. Эти пѣсни пѣлись и давали толчекъ къ новымъ твореніямъ, которыя, однако, не ограничивались уже, какъ народныя пѣсни, узкимъ кругомъ переживаній, но имѣли своимъ предметомъ уже судьбы отечества и родного языка.

Притѣсненія со стороны русскихъ не прекращались. Къ нимъ присоединились еще презрѣніе и насмѣшки со стороны поляковъ. Но, несмотря на все это, литовцы тѣмъ живѣе пѣли, творили, мыслили на своемъ языкѣ. Тайно приходилось печатать, тайно распространять литературу. Какъ раньше внимательно прислушивались къ пѣснямъ и заучивали ихъ, такъ теперь брали газеты, читали и запоминали читаное. Но содержаніе было чисто—народнымъ, только предметъ сдѣлался больше, общѣе.

Принимали участіе въ развитіи этой литературы, конечно, образованные литовцы. И много именъ теперь еще приобрѣтаютъ все больше извѣстности у литовцевъ. Назовемъ только Петраса Арминаса, Вишталуса, Ионаса Шлупаса. Въ прусской Литвѣ лучше всего извѣстно было имя немецкаго друга литовцевъ, учителя и друга Кармэнъ-Сильвы—д-ра Георга Зауэрвейна. Ему обязаны литовцы нѣсколькими глубокомысленными пѣснями. Наконецъ, въ Рагнитѣ въ 1883 г. взялись за изданіе литературнаго журнала „Аушра“ („Утренняя Заря“). Въ видѣ отдѣльныхъ

выпусковъ этотъ журналъ нашелъ себѣ доступъ въ дома б. русскихъ и прусскихъ литовцевъ.

Позднѣ появились также книги разнообразнаго, даже научнаго содержанія, печатавшіяся частью въ прусской Литвѣ, частью въ Америкѣ; онѣ распространялись по всей Литвѣ. Вскорѣ приобрѣли себѣ извѣстность имена разныхъ писателей. Между ними первое мѣсто занимаетъ Винцасъ Кудирка. И странное чувство испытываешь, когда читаешь въ „Литвѣ“ Цвека 1899 г., стр. 194, слѣдующее: „Выходящія на литовскомъ языкѣ газеты являются нынѣ единственными проявленіями въ литературѣ духовной жизни народа“ въ то время, какъ образованные литовцы и въ Пруссіи читали уже, рядомъ съ оригинальными литовскими твореніями, „Телля“ Шиллера, „Орлеанскую Дѣву“, „Каина“ Байрона и т. п. на своемъ родномъ языкѣ, а Александръ Гужутисъ уже издалъ рядъ драмъ. И это—за 10 лѣтъ, приблизительно, до того, какъ были написаны эти слова!

Гужутисъ сознательно ссылается на легенды и историческія преданія. Въ его твореніяхъ религіозному моменту отводится видное мѣсто. Его персонажи часто выступаютъ съ пѣніемъ и ведутъ хоры. Сейчасъ же узнаешь поэта по его народному характеру.

Къ тому времени относится также комедія съ сильно-сатирическимъ содержаніемъ; это — „Amerika Pirtuje“ („Америка въ Банѣ“), Кетуракиса, Тильзитъ 1895. И тутъ сильно замѣтен пульсъ народнаго духа.

Къ тому же времени относятся и собственные мои первые литературные и поэтическіе опыты. Конечно, они не имѣютъ того значенія, которое признано за моими позднѣйшими работами.

Рядомъ съ Кудиркой выступаютъ еще и другія имена. Такъ, становятся извѣстны, прежде всего, нѣкоторыя женщины: Жемайте, Бите, Шатриосъ Рагана и др. Въ нихъ, какъ и въ Кудиркѣ, мы имѣемъ уже сознательныя и увѣренныя въ себѣ творческія литературныя силы. Жемайте въ своихъ рассказахъ, реалистическихъ очеркахъ съ натуры и изображеніяхъ сценъ изъ деревенской жизни обнаруживаетъ сильное сродство съ Дуонелайтисомъ.

Другія обнаруживаютъ во всемъ, что пишутъ, тонкую, высоко-культурную внутреннюю жизнь. И это знаменательно: дажны въ Литвѣ поютъ и отчасти сочиняютъ большей частью женщины

и дѣвушки — и женщины же, опять-таки, выступаютъ въ литературѣ на первый планъ.

Какъ лирики, въ то время становятся извѣстными прежде всего Майронисъ, потомъ—безвременно умершій Вайчайтисъ. Въ нихъ обоихъ имѣемъ такихъ поэтовъ, которые уже далеко ушли отъ народной пѣсни. Но они—Божьей милостью поэты.

Есть еще многіе другіе, которые тоже умѣли пользоваться литовскимъ словомъ съ глубокимъ чувствомъ; мы, однако, ихъ не будемъ здѣсь перечислять.

1904 годъ принесъ съ собой нѣчто новое для литовской литературы. Русское правительство признало несправедливость изданнаго запрещенія печатать литовскія произведенія латинскими буквами. И вотъ на Литвѣ сталъ писать всякій, кто только умѣлъ держать перо въ рукахъ.

Очень быстро возросло число литовскихъ печатныхъ произведеній. Особенно много переводили, но, къ сожалѣнію, мало значащія вещи изъ нѣмецкой, польской, русской литературы, однако также и изъ французской и англійской. Этимъ особенно усердно занимались литовцы въ Америкѣ.

Какъ странно! Люди, которые въ состояніи были бы, можетъ быть, съ большимъ или меньшимъ чувствомъ пропѣть даину въ небольшомъ кругу слушателей—теперь сочли себя способными предложить другимъ свои писанія. Сколько пѣвцовъ и дайнь имѣла Литва, столько же и писателей появилось у нея вдругъ. Но эти послѣдніе могли выказать передъ своими соотечественниками только свою пустоту, ограниченность и невѣжество. Тѣ, кто писалъ теперь, были совсѣмъ не старинные пѣвцы дайнь. По большей части были это люди, которые уже отказались отъ своей національности и искали себѣ дѣятельности въ другихъ мѣстахъ, но теперь спохватились, что они могутъ у себя дома играть извѣстную роль безъ настоящихъ, серьезныхъ стремленій, безъ живыхъ идеаловъ въ груди. Такимъ образомъ, на книжномъ рынкѣ появились совершенно негодныя вещи, ничего не стоящія. А Литва покупала ихъ тысячами и читала съ жадностью, какъ будто изголодалась по нимъ.

Знаменательно то, что и здѣсь выступила противъ этого—женщина. Въ 1910 году появилась уже упомянутое сочиненіе „Lietuvoje“ («Въ Литвѣ») Софіи Чурлянисъ, урожд. Кимантасъ. Авторъ съ увлекающей силой выступаетъ противъ этой никуда не годной литературы и мечетъ громы и молніи противъ всего

убожества въ новомъ, такъ называемомъ „національномъ“ движеніи. Она проникла еще глубже. Ея критика дошла до того, что требуетъ даже непременно правдивыхъ персонажей. Равнымъ образомъ требуетъ она сохраненія связи съ народнымъ элементомъ какъ въ искусствѣ, такъ и въ литературѣ.

Эту книгу комментировали и осуждали, какъ слишкомъ рѣзкую критику. Но всетаки она произвела очень сильное впечатлѣніе. Только Америка осталась въ своемъ „бизнесѣ“ совершенно индифферентной. Авторъ писалъ изъ глубины души—онъ одновременно и поэтъ. Произведенія С. Чурляниса не многочисленны, но кто читалъ ея „Jūra“ (море), опубликованное, правда, лишь во время войны въ „Rimtasai Varas“, тотъ долженъ отвести ея поэзии специальное мѣсто и значеніе: „Jūra“ обладаетъ не меньшими поэтическими достоинствами, чѣмъ „dainos“, отличающаяся отъ послѣднихъ лишь формой. Но ведь авторъ С. Чурлянисъ—человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Слѣдовательно, въ немъ можно замѣтить сознательное удержаніе народнаго, пралитовскаго стиля. А сознаніе не приводитъ къ фокусамъ, но создаетъ истинную поэму.

Нужно еще разъ подчеркнуть, что выдающееся положеніе С. Чурляниса сообщаетъ ей принципиальное значеніе. Рядомъ съ нею слѣдуетъ поставить и другихъ поэтовъ и прозаиковъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ весьма удачно въ своемъ артистическомъ творчествѣ обработали народную поэзію. Количество послѣднихъ весьма велико. Изъ лириковъ здѣсь долженъ быть отмѣченъ Людасъ Гира, изъ прозаиковъ—Вяцасъ Краве. Нужно было бы упомянуть и о многихъ другихъ, но отъ этого приходится отказаться, дабы слишкомъ не утомлять читателя.

Въ сторонѣ отъ этой прямой линіи, получившей начало в самомъ фундаментѣ народности, стоятъ уже упомянутые писатели, которые большей частью еще живы. Но ихъ вліяніе, такъ сказать, параллельно вышеупомянутому направленію. И ихъ кругъ еще расширился нѣкоторыми плодовитыми силами.

Упомянемъ Лаздину Пеледа, обнаруживающую иногда драматической талантъ въ своихъ очень живыхъ разсказахъ. Она тѣмъ болѣе заслуживаетъ особеннаго вниманія, что она связываетъ свои сюжеты всегда съ народными литовскими представленіями и матеріями. На психологическую глубину, конечно, до сихъ поръ еще не обращено много вниманія. Только романъ И. Добиласа „Блудасъ“ представляетъ рѣдкое исключеніе, несмотря

на то, что „композиція“ не совсемъ удовлетворительна; нѣкоторые хорошо знакомые литовские характерные типы обработаны въ немъ съ большой любовью.

Драматическая литература представляетъ мало писателей, которые брались за изображеніе литовскихъ характеровъ. Назовемъ только „Blinda“ Жемкальниса. Въ Блиндѣ имѣемъ литовскій характерный типъ, хорошо знакомый изъ многихъ разсказовъ и преданій; произведенію только недостаетъ драматической силы.

Я въ своихъ сочиненіяхъ обработалъ литовскіе сюжеты изъ исторіи и народныхъ легендъ; я пытался представить народные типы, особенно—въ маленькихъ комедіяхъ.

Періодическія изданія. Въ прусской Литвѣ выходила литовская газета начиная съ 1833 года. Тогда начала выходить миссіонерская газета, „Nusidavimai“, существующая еще и понынѣ. Съ 1849 г. въ Кенигсбергѣ стала издаваться „Keleivis“ („Странникъ“) Фридрихомъ Куршатомъ; эта газета давала также и политическія новости. Около 1880 г. появились различныя періодическія изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя издаются теперь три раза въ недѣлю,—другія еженедѣльно, разъ въ двѣ недѣли или же ежемѣсячно. Главнымъ образомъ, это—политическія газеты, нѣкоторыя изъ нихъ преслѣдуютъ цѣли церковно-религіозныя, и только одинъ ежемѣсячникъ имѣетъ общія, преимущественно—культурно-этические цѣли: это издаваемая мною „Jauni mas“ („Молодость“). Большая часть этихъ изданій печатается готическими буквами.

Въ Америкѣ первая литовская газета появилась въ 1885 году; это — „Vienybe Lietuvininkū“, выходящая еще и понынѣ (вначалѣ она называлась иначе). Въ настоящее время въ Америкѣ выходитъ 35 литовскихъ газетъ.

Въ русской Литвѣ около 80-ыхъ годовъ XIX вѣка тоже появились литовскія періодическія изданія. Печатались они всѣ безъ исключенія въ Тильзитѣ, и съ опасностью для жизни перевозились черезъ границу и распространялись по странѣ. Очень многія изъ лицъ, занимавшихся этимъ, долго сидѣли за это въ тюрьмахъ, нѣкоторыя даже заплатились жизнью.

Начиная съ 1904 года число этихъ періодическихъ изданій стало быстро возрастать. Они стали печататься въ самой б. русской Литвѣ. Въ Вильно появилась сейчасъ же ежедневная газета „Vilniaus Zinios“ („Виленскія Извѣстія“). Однако, она

существовала недолго. Но число еженедельных, двухнедельных и ежемѣсячныхъ журналовъ все увеличивалось. До войны в Вильно издавались двѣ ежедневныя газеты „Viltis“ и „Lietuvos Zinios“ (обѣ существовали до сентября 1915 года). Число подписчиковъ было различно. Нѣкоторыя изданія расходились въ довольно значительныхъ количествахъ. Издающійся въ Сейнахъ „Шальтинисъ“ однажды объявилъ, что имѣетъ свыше 50.000 читателей.

Общее число издававшихся до войны периодическихъ изданій—25 (если только я не пропустилъ одного или двухъ). Между ними находился также иллюстрированный двухнедельникъ „Vairas“ („Руль“).

Другія формы духовной жизни литовцевъ.

Стремленіе литовца къ просвѣщенію. Въ отношеніи стремленія къ просвѣщенію литовская нація въ древности не уступала другимъ народамъ, а отчасти—превосходила ихъ. Литовская часть Литовскаго государства была самая населенная. Въ не-литовскихъ областяхъ литовцы занимали первыя мѣста во всѣхъ высшихъ учрежденіяхъ. Армія состояла главнымъ образомъ изъ литовцевъ. Литовское дворянство занимало всюду руководящее положеніе. Такъ, приблизительно, читаемъ въ русской книгѣ Любавскаго: Литовско-Русскаго государства „Областное дѣленіе“, Москва 1892. Въ этой книгѣ обработаны документы такъ называемой „литовской метрики“.

Это доказываетъ, что у литовцевъ тогда былъ значительный классъ образованныхъ людей. Но отъ этого класса уцѣлѣло немного. Скоро взялъ верхъ польскій элементъ и всосалъ въ себя высшіе классы. Съ гибелью польскаго государства Литва подпала подъ русскую власть, которая нашла въ Литвѣ только литовскіе низшіе классы, и этимъ низшимъ классамъ выпала задача сохранить литовскую національность. Но и изъ низшихъ слоевъ литовскаго народа многіе растворились въ польской національности.

Нѣкоторые народы съ высшей культурой хвастаются тѣмъ, будто принесли эту культуру ниже имъ стоящимъ. Но это неправда. Нельзя переносить культуру — ее можно только создавать, на основаніи имѣющихся данныхъ и элементовъ. Поэтому, никакой народъ не имѣетъ право гордиться тѣмъ, что онъ будто бы принесъ литовцамъ культуру. Зато нельзя воздержаться по отношенію ко многимъ отъ упрека, что они мѣшали развитію литовской культуры, разрушали то, что уже существовало.

Въ этомъ отношеніи русскіе и нѣмцы представляютъ двѣ противоположныя крайности: первые всегда пытались, насколько это было имъ возможно, противодѣйствовать всякому стремленію подвластныхъ народовъ къ просвѣщенію, между тѣмъ какъ послѣдніе силою навязывали низшимъ слоямъ народа извѣстную мѣру образованія.

Дѣятельность русскихъ господъ имѣла, однако, совѣмъ неожиданныя результаты: тѣмъ больше подавлялось всякое стремленіе къ просвѣщенію, тѣмъ сильнѣе оно становилось. Вся Лит-

ва, наконецъ, была одержима какой-то просвѣтительной лихорадкой. Это явленіе особенно усилилось въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка. И совсѣмъ непонятно, какъ многіе военные корреспонденты утверждаютъ, будто бы въ Литвѣ очень немногіе только умѣютъ читать и писать. Если принять во вниманіе, что одна только типографія въ прусской Литвѣ ежегодно, въ теченіе ряда лѣтъ, посылаетъ за границу тысячи букварей, и что въ самой б. русской Литвѣ издается большое число букварей и всегда въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, — тѣ утвержденія о неграмотности среди литовцевъ должны быть признаны заблужденіями на основѣ предвзятыхъ мнѣній. Другое доказательство: извѣстно, что въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не допускаются лица, не умѣющія писать — между тѣмъ волна эмигрантовъ въ Америку изъ Литвы была за послѣдніе годы особенно сильна.

Конечно, здѣсь не было литовскихъ школъ 10 лѣтъ назадъ. Какъ же все-таки учились тогда читать? Отвѣтъ на это далъ литовскій скульпторъ Петрасъ Римша въ группѣ, которую онъ самъ назвалъ деревенской школой. За прялкой сидитъ мать, около нея на табуреткѣ — любознательный ребенокъ. И, продолжая работать, мать въ то же время показываетъ малюткѣ, какъ можно изъ черныхъ знаковъ получить мысль.

Начиная съ 1905 года, дѣло, конечно, измѣнилось. Литовцы получили возможность содержать свои школы въ Петербургѣ, Ригѣ и т. д. Но тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени относились съ подозрительностью къ подобнымъ школамъ на родинѣ. Несмотря на это, однако, и тутъ появились вскорѣ самыя разнообразныя школы, которыя посѣщались усердно.

Были хотя и раньше — особенно въ литовскихъ городахъ — различныя школы, часто съ болѣе высокими цѣлями чѣмъ тѣ, какія ставить себѣ народная школа. Ихъ посѣщали, съ самаго ихъ основанія, литовскія дѣти — и большей частью они для литовской націи погибали. Но мало-по-малу возрастало число тѣхъ, которые, несмотря на чужое образованіе, жаждали усовершенствоваться въ духѣ своей собственной національности. Они создавали средства просвѣщенія для другихъ. И вотъ въ Литвѣ жажда просвѣщенія стала нарастать, какъ лавина. Каждый хотѣлъ учиться; и если не могъ посѣщать школу, то доставалъ себѣ книги и читалъ, когда только былъ у него для этого свободный моментъ. Къ сожалѣнію, имѣвшіяся книги не всегда отвѣ-

чали нитавшимся ожиданіямъ и далеко не удовлетворяли потребностей.

Между тѣмъ литовскія дѣти продолжали также посѣщать русскія и польскія учебныя заведенія. Все увеличивалось число литовскихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, поступавшихъ въ университеты. И не только въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д. — многіе учились въ Австріи, Швеции, Германіи, Бельгіи и т. д. Кто имѣлъ случай присутствовать лѣтомъ на собраніяхъ въ б. русской Литвѣ, того, навѣрное, поражало большое число литовскихъ студентовъ и студентокъ, встрѣчаемыхъ на этихъ собраніяхъ.

Въ общемъ рвеніе и стремленіе къ просвѣщенію даже уничтожило на своемъ пути старинное, вкоренившееся обыкновение. Зажиточные литовцы обыкновенно имѣли одно желаніе — видѣть сына или даже нѣсколькихъ сыновей лицами духовными, служителями церкви; для этой цѣли они охотно давали всѣ нужныя средства. Но общее образованіе ихъ нисколько не привлекало, и они не чувствовали никакой склонности посвятить своихъ дѣтей и другому призванію, кромѣ духовного. Теперь это стало иначе. Молодой человекъ теперь могъ сдѣлаться тѣмъ, къ чему онъ чувствовалъ призваніе, и къ чему влекли его способности.

Литовское меценатство. Но выше упомянутое пониманіе родителей новыхъ стремленій молодежи къ просвѣщенію распространялось только мало-по-малу. Еще въ послѣдніе годы тоже было много молодыхъ литовцевъ, которые очень терпѣли отъ капризовъ родителей. За то, что они не хотѣли духовной карьеры, родители не давали имъ средствъ къ высшему образованію. Не мало цвѣтущихъ жизней, внушавшихъ самыя прекрасныя надежды при этомъ погибло.

Тутъ вступились посторонніе люди. Нѣкоторые лица тайно соединялись вмѣстѣ и основывали кассы, изъ которыхъ полные стремленій молодые люди получали правяльно пособія. Достоинно вниманія, что и тутъ ревностнѣе всего дѣйствовали женщины: онѣ съ рѣдкой преданностью дѣлу работали на пользу этихъ кассъ. Въ Америкѣ литовцы никогда не уставали присылать пожертвованія для этой цѣли.

Наконецъ, можно было ужъ открыто основывать общества для вышеупомянутыхъ цѣлей. Такими обществами были: „Жибурелись“ („Свѣточъ“) и „Мотинеле“ („Матушка“). Съ тѣхъ

поръ всюду, гдѣ только сходились литовцы, слышно про эти общества. При всякомъ случаѣ собирали деньги для нихъ. Каждый литовецъ, каждая литовка считала своей гордостью возможно больше жертвовать въ пользу этихъ обществъ.

Сами учащіяся основывали тоже кассы взаимопомощи. Конечно, въ эти кассы притекали постоянно средства и извнѣ.

Что литовцы въ отношеніи взаимной поддержки очень дѣятельны—это доказала и последняя война. Когда въ б. русской Литвѣ увидѣли первыхъ, привезенныхъ русскими, гражданскими плѣнныхъ въ ихъ плачевномъ состояніи, то литовцы разныхъ классовъ и положеній соединились въ общество, имѣвшее цѣлью оказывать помощь этимъ бѣднымъ людямъ изъ прусской Литвы. Недолго думая, собрали большія суммы денегъ и раздали ихъ плѣннымъ; ихъ снабдили также всеѣмъ необходимымъ.

Эта готовность б. русскихъ литовцевъ къ жертвамъ и ихъ деятельность въ сущности, должны пристыдить прусскихъ литовцевъ, которые едва заботились о тѣхъ, которые были приведены оттуда къ намъ, какъ плѣнные. И вотъ, что бросается тутъ въ глаза: русскія власти никогда не терпѣли вмѣшательства въ общественныя дѣла, а граждане литовской націи, вопреки этому, оказываются очень дѣятельными при каждомъ случаѣ. Въ Пруссіи же привыкли ожидать, что власть сама все сдѣлаетъ.

Литовскія учебныя заведенія. Вышеупомянутыя общества вскорѣ сдѣлали попытки открывать собственные учебныя заведенія. Но, какъ только они открывались, русскія власти сейчасъ же закрывали ихъ, не давая, разумѣется, ничего взамѣнъ. Къ счастью, кое-где еще остались существовать нѣкоторыя училища.

Кромѣ уже упомянутыхъ обществъ, слѣдуетъ упомянуть еще „Saule“ („Солнце“). Это общество съ самаго начала поставило себѣ цѣлью распространять среди литовцевъ національное образованіе. Это общество сильно разрослось: въ 1911 году оно имѣло уже 12 отдѣленій; въ 1909 году оно имѣло 44 училища и 28 библиотекъ. Оно основало также подготовительные и семинарскіе курсы для подготовки народныхъ учителей, бухгалтерскіе курсы и т. д.

Для подобныхъ предпріятій, конечно, требовалось много денегъ. Сборы и пожертвованія изъ б. русской Литвы были недостаточны. Тогда обратились къ американскимъ литовцамъ. И, можно сказать, для послѣднихъ вѣчной славой останется то, что они

въ короткое время собрали сумму почти въ треть милліона марокъ; такъ что нынѣ въ Ковнѣ уже возведено великолѣпное зданіе для учреждений „Saule“. Конечно, за этимъ стоялъ чело-вѣкъ дѣйствія—ксендзь Алшаускасъ изъ Ковно.

Въ Америкѣ собраны также средства для другого столь же важнаго, а, можетъ быть,—еще большаго по размаху учрежденія. Это—проектирующееся зданіе для литовскаго научнаго общества и литовскаго художественнаго общества въ Вильнѣ. Купили уже участокъ земли подъ это зданіе, средства для постройки были уже собраны—какъ вдругъ разразившаяся великая война прекратила то, что уже готовилось исполниться. Легко себѣ представить, каково было разочарованіе среди литовскаго народа, когда всѣ эти надежды и дѣятельныя силы сразу были заторможены. Въ Литвѣ никто не ожидаетъ и не хочетъ навязаннаго извнѣ образованія—даже низшіе слои народа старались всегда сами добыть себѣ такое. И народъ, дѣйствительно, создавалъ себѣ эту возможность съ громадными жертвами.

Наука. О самостоятельной литовской наукѣ, разумѣется, нельзя еще подробно говорить. Сказанное выше въ достаточной мѣрѣ объясняетъ причину этого. Однако и здѣсь есть очень много утѣшительнаго. Научный характеръ имѣютъ—хоть и въ скромной мѣрѣ—упомянутыя уже историческіе труды хотя бы Симанаса Даукантаса, Валанчуса и др. Такимъ образомъ исторія Литвы прежде всего сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія.

Кромѣ того, вскорѣ появились и лингвистическіе труды. Такія работы появились уже въ „Аушрѣ“, позднѣе же—начиная съ 1890 года—печатались главнымъ образомъ въ одномъ періодическомъ изданіи подъ названіемъ „Дирва—Жининасъ“, выходящемъ въ Америкѣ. Но онѣ, конечно, не всегда выдерживаютъ серьезную критику.

Однако, именно в области лингвистики появились впоследствии труды съ истинно-научнымъ значеніемъ. Они имѣли цѣлью ни больше ни меньше, какъ двигать впередъ развитіе литовскаго языка и вводить въ глубины его духа. Особеннаго значенія въ этой области достигли особенно Казимерасъ Яунюсъ, Іонасъ Яблонскисъ и молодой еще Казимерасъ Буга. Работы этихъ трехъ ученыхъ, можетъ быть, заключаютъ многое еще неоконченное, но онѣ оказали большое вліяніе на языкъ современной литовской литературы.

Статьи упомянутыхъ двухъ послѣднихъ ученыхъ большей

частью разбросаны въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ; такъ, напр., въ „Draugija“ („Общество“), „Viltis“ („Надежда“), далѣе — въ органѣ литовскаго научнаго общества „Lietuviu Tauta“ („Литовскій Народъ“) и т. д.

Это общество основано въ Вильнѣ въ 1908 году. Руководители его съ полнымъ сознаниемъ стремятся къ національной наукѣ. Поэтому предметами изслѣдованій, рядомъ съ исторіей и лингвистикой, является прежде всего также фольклоръ.

Национально-научное значеніе поэтому имѣетъ также основанная этимъ же обществомъ библиотека, заключающая уже нѣсколько тысячъ томовъ; при библиотекѣ находится музей. Душой этого общества и его стремленій есть д-ръ Ионасъ Басанавичусъ. Онъ, равно какъ и труды этого общества пользуются симпатіями всей Литвы.

Научный характеръ, но съ католическо-богословскими цѣлями носить уже упомянутый выше ежемѣсячникъ „Draugija“. Онъ сгруппировалъ около себя рядъ ученыхъ сотрудниковъ; издается онъ глубокимъ ученымъ, прелатомъ А. Дамбраускасомъ, въ Ковнѣ.

Очень многочисленная за послѣдніе годы студенческая молодежь имѣла свои ежемѣсячные журналы для разработки научныхъ, культурныхъ и національныхъ вопросовъ. Такими журналами были: для теологовъ „Ateitis“ („Будущее“), для не теологовъ — „Ausrine“ („Утренняя Звѣзда“).

Разъ въ году литовское научное общество въ Вильнѣ устраивало ежегодное собраніе, которое большею частью продолжалось цѣлую недѣлю. На этихъ собраніяхъ читался рядъ научныхъ докладовъ.

При этомъ случаѣ особенно ярко обнаруживался интересъ литовской молодежи къ національной наукѣ. Собранія посѣщались сотнями студентовъ обоого пола, рядомъ съ такимъ же числомъ болѣе пожилыхъ образованныхъ литовцевъ. И всѣ были полны энтузіазма въ такой мѣрѣ, какъ это рѣдко можно наблюдать при такихъ случаяхъ.

Кажется почти какимъ-то чудомъ, что у народа, о которомъ такъ мало знали, на который часто и теперь еще смотрять, какъ на безкультурную націю, живущую среди густыхъ неприступныхъ лѣсовъ, — что у этого народа оказывается сравнительно большая армія людей съ высшими просвѣтительными и

научными интересами, одушевленныхъ огнемъ Прометей, проникнутыхъ любовью къ родинѣ и націи.

Искусство. Еще болѣе сильно обнаруживается неожиданный размахъ духовной жизни литовцевъ въ области искусства. Правда, всегда были литовскіе художники. Всѣ живописцы, рѣзчики, ткачи въ деревняхъ и дворахъ — артисты, точно такъ же, какъ составители дайнъ — поэты. Само собой разумѣется, у всехъ народовъ можно найти нѣчто подобное. Однако, размѣръ участія литовцевъ въ художественной дѣятельности въ этомъ смыслѣ — замѣтно большой.

Были, конечно, и такія лица, у которыхъ стремленіе къ артистической дѣятельности выходило за предѣлы обыденной, которыхъ это стремленіе увлекало вдаль, гдѣ они могли предаться этой дѣятельности. Не одинъ при этомъ погибъ. Многие изъ литовцевъ могутъ рассказать, какой трагической смертью умеръ тотъ или другой изъ ихъ друзей, не успѣвъ дать міру то, что жило въ его душѣ. Тѣ художники, которые происходили изъ прусской Литвы, большею частью потеряли связь съ родной націей. У автора этой книги еще иногда тотъ или другой просилъ пѣсни о Литвѣ — но затѣмъ сношенія съ родиной совершенно прекращались. Поэтому обойду молчаніемъ имена тѣхъ художниковъ.

Въ русской Литвѣ въ области литовскаго искусства дѣло почти сразу измѣнилось, когда послѣ японской войны, столь счастливой для народовъ Россіи, политическія отношенія измѣнились. Уже въ 1907 году въ Вильнѣ была открыта литовская художественная выставка, въ которой приняли участіе 23 художника съ 242 картинами и произведеніями пластическихъ искусствъ и 91 лицо съ работами изъ области народнаго искусства.

Было основано общество художествъ, во главѣ котораго стояли, прежде всего, три художника, а именно — К. Чурлянисъ, Антанасъ Жемайтисъ (Жмудзинавичусъ) и Петрасъ Римша. Всѣ они дѣйствительно одаренные художники. Чурлянисъ къ тому же — музыкантъ съ гениальными способностями; Антанасъ Жемайтисъ — художникъ съ тонкимъ поэтическимъ чувствомъ; Петрасъ Римша — ваятель, во многихъ отношеніяхъ напоминающій Микеля Анджелио. Къ этимъ тремъ художникамъ присоединились скоро многіе другіе. И они прислали свои произведенія со всѣхъ концовъ свѣта: изъ далекой Россіи, изъ Польши, изъ Швейцаріи, Италіи, Тироля, Франціи и т. д.

Выставки слѣдовали одна за другою. Участіе художниковъ вскорѣ немного ослабѣло, но — чтобы сейчасъ вновь усилиться. Ихъ картины раскупались. Конечно, многія изъ нихъ попали въ русскіе и польскіе дома. Но и многіе литовцы приобрѣли себѣ произведенія литовскихъ художниковъ. Картины покупали также разные союзы и общества. Церковныя власти, какъ это бывало въ старину, заказывали отечественнымъ художникамъ украшеніе храмовъ. И не только живописцы — скульпторы также находили занятіе. Католическая церковь въ Литвѣ оправдала прежнюю славу.

Новооснованное художественное общество заранѣе подчеркнуло свой національный характеръ и стремилось установить связь съ литовскимъ національнымъ искусствомъ. На первой выставкѣ, какъ ужъ было упомянуто, было отдѣленіе для народнаго искусства. Каждый разъ въ это отдѣленіе присылалось все больше экспонатовъ; оно всегда имѣло выдающійся успѣхъ. Тутъ оправдывала свою старую славу любовь литовцевъ къ яркимъ цвѣтамъ.

Странное чувство однако испытывалъ внимательный посѣтитель при переходѣ изъ отдѣленія картинъ въ отдѣленіе народнаго искусства. Общепринятое выраженіе о свѣтломъ царствѣ искусства, вообще говоря, есть бессмыслица. Литовскіе художники большей частью изображаютъ такое, что дѣйствуетъ на зрителя прямо угнетающимъ образомъ. Художники хорошо знали обстоятельства, въ которыхъ находилась Литва, и это отразилось на ихъ произведеніяхъ, такъ что кажется, будто слышишь тяжелыя жалобы, которыя какъ бы поднимаются отъ этихъ произведеній литовскаго искусства.

Совсѣмъ другое видимъ въ отдѣленіи народнаго искусства. Тутъ дѣйствительно, царствуетъ живая веселость. Все, что было выткано, вышито, вырѣзано, нарисовано, сплетено — все дышитъ сердечностью и нѣжностью. При переходѣ сюда изъ отдѣленія живописи кажется, что изъ царства зимы обозрѣватель попалъ въ царствесны. Тутъ живешь съ литовскимъ народомъ, чувствуешь его чувствами, радуешься его радостями. И только недостаетъ пѣсенъ дайнъ. И ясно чувствовалось одно, что литовцы — это народъ пѣсенъ, легендъ, формъ, образовъ и красокъ.

Да, вскорѣ предстояло еще особенно восхищаться формами на выставкѣ новой отрасли искусства. Петрасъ Римша оказался многостороннимъ художникомъ: онъ не только скульпторъ, но и

живописецъ; и, наконецъ, онъ посвятилъ свое вниманіе даже керамикѣ. Одно изъ своихъ младшихъ братьевъ, который очень рано обнаружилъ художественныя склонности, онъ поощрялъ заняться областью художественной промышленности. И на послѣднихъ передъ войной выставкахъ уже можно было видѣть чудные глиняные сосуды.

Во всѣхъ этихъ стремленіяхъ литовскихъ художниковъ ясно выступаетъ ихъ народная основа. Не только стали, такъ сказать, завоевывать литовскій ландшафтъ для искусства — старались также внести въ художественное творчество артистическое чувство народа и языкъ формъ и красокъ.

Особенно значительный и замѣтный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ съ изданіемъ „Lietuviu Kryžiai“ („Литовскіе Кресты“), Вильно 1912. Книга эта содержитъ въ 79 художественныхъ листахъ литовскіе надгробные кресты самыхъ разнообразныхъ формъ. Рисунки окружены виньетками изъ литовской орнаментики.

И здѣсь выступаетъ, болѣе или менѣе, то же самое что и въ области поэзи: народный элементъ признается основой художественнаго творчества, его культивируютъ съ любовью и преданностью. Если что и должно сулить Литвѣ прекрасную и счастливую будущность — такъ это именно постоянное стремленіе къ народному.

Стремленіе литовцевъ сорганизоваться.

Различныя теченія. Разнообразіе союзовъ, въ которые соединяются литовцы, указываетъ на то, что очень сильна еще у литовцевъ склонность къ разрозненности. Въ этомъ отношеніи литовець совершенно не похожъ на славянина и далеко превосходитъ германца. Только тяжелая нужда пережитыхъ временъ вынудила литовца къ объединенію. И что было невозможно въ теченіе пришедшихъ вѣковъ, — теперь этому положено было начало. Первые стремленія къ образованію союзовъ проявились, кажется, въ прусской Литвѣ. Съ начала XIX вѣка объединяющимъ началомъ были религіозныя стремленія. Пѣтизмъ нашель здѣсь многихъ послѣдователей. Однако, и здѣсь не обошлось безъ раскола.

Позднѣе появились также политическія общества, которые иногда развивали замѣчательную силу, но только для того, чтобы вскорѣ опять распасться на мелкія общества.

Позже всѣхъ были основаны общества съ національными и этическими тенденціями, охватившіе, наконецъ, всю прусскую Литву, и въ 16 союзахъ насчитывали около 500 членовъ.

Въ русской Литвѣ до 1905 года существовали, конечно, только тайные союзы. Подъ страшнымъ гнетомъ русскаго бюрократизма эти союзы только усиливались. Начиная съ 60-хъ годовъ XIX вѣка, они преслѣдовали, большею частью, національныя цѣли.

Само собою разумѣется, и тутъ были особыя теченія. Но когда въ 1905 году, сила русскаго правительства, повидимому, была сломлена, то обнаружилось, что всѣ эти различные союзы были единодушны въ главномъ вопросѣ. 4 декабря 1905 года состоялся даже въ Вильнѣ съѣздъ представителей всей Литвы, въ числѣ около 2.000. Съ поразительнымъ и полнымъ достоинствомъ единодушіемъ происходили совѣщанія о формѣ политическаго устройства Литвы. Были формулированы опредѣленные требованія, которыя русское правительство отчасти и исполняло.

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы жизнь обществъ принимала все большій размахъ. Лучше всего развивались союзы экономическіе; они появились всюду, гдѣ жили литовцы. Первыми обществами подобнаго рода были ссудо-сберегательныя и кассы взаимопомощи въ большихъ городахъ, какъ Петербургъ, Рига и т. д. Число членовъ этихъ кассъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ.

Въ собственно Литвѣ были основаны сельскохозяйственныя общества и потребительскія, съ собственными лавками.

Къ тому же времени расцвѣли уже упомянутыя выше общества просвѣщенія и общество художествъ.

Тайныя общества, существовавшія еще раньше, теперь развились въ рядъ политическихъ союзовъ, которые въ общемъ раздѣляются на два лагеря: на одной сторонѣ стоятъ союзы съ клерикальнымъ, а на другой — съ антиклерикальнымъ направлениемъ.

Наконецъ, большое значеніе приобрѣли также общества съ тенденціями этическими, которыя осуществились во многихъ союзахъ молодежи, и прежде всего — въ обществѣ трезвости.

Съ удовлетвореніемъ можно утверждать, что вся Литва покрылась нестрой сѣтью союзовъ. Это вполне соответствуетъ дѣйствительности.

Изъ всѣхъ этихъ союзовъ съ самыми разнообразными цѣлями выдавались тѣ общества, которыя ставили себѣ особенною цѣлью разрабатывать литовскую пѣсню и драму. Каждый почти союзъ стремился имѣть собственный хоръ. И почти въ каждой литовской деревнѣ былъ свой хоръ.

Нѣкоторые изъ нихъ развились въ большіе, самостоятельные союзы, управляемые дѣльными композиторами съ академическимъ образованіемъ. Хоры иногда достигли внушительныхъ размеровъ, и ихъ концерты имѣли успѣхъ и были очень популярны.

Надъ развитіемъ драматическаго искусства особенно трудилось Общество Артистовъ въ Вильнѣ. Но и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ устраивались любительскіе спектакли.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки существуютъ совершенно такіе же союзы, какъ и въ б. русской Литвѣ, съ колоссальнымъ числомъ членовъ. Но, къ сожалѣнію, партійныя распри тамъ еще острѣе. Въ этихъ союзахъ процвѣтаетъ то, что называютъ американизмомъ во всѣхъ формахъ, какія только можно себѣ представить.

Существующіе союзы. Описать всѣ союзы, разумѣется, невозможно; нельзя даже кратко указать цѣли этихъ союзовъ. Но чтобы дать нѣкоторое конкретное представленіе объ ихъ существованіи, мы хоть въ этомъ мѣстѣ назовемъ нѣкоторые. Въ Вильнѣ существуютъ: 1) Литовское Научное Общество, 2) Литовскій Художественный Союзъ, 3) Союзъ „Ruta“, 4) „Žiburelis“, 5) Литовское Общество Вспомоществованія, 6) Союзъ опеки надъ

прислугой, 7) Союзъ распространія изящной литературы, 8) Союзъ признанія правъ литовскаго языка въ римско-католической церкви въ Литвѣ.

Въ Ковнѣ существуютъ: 1) пѣвческій союзъ „Daina“, 2) Союзъ Св. Казимира, 3) просвѣтительный союзъ „Saule“, 4) католическій союзъ литовскихъ женщинъ, 5) союзъ „Motinele“, 6) католическій союзъ литовскихъ рабочихъ, 7) католическій союзъ литовской женской прислуги, 9) союзъ органистовъ, 10) общество трезвости (съ 147 отдѣленіями по всей Литвѣ), 11) общество взаимопомощи 12) общество потребителей „Nemunas“, 13) общество для оодержанія публичной библиотеки, 14) женскій союзъ для содержанія столовой.

Въ Поневежѣ: 1) Общество потребителей, 2) благотворительный союзъ, 3) союзъ рабочихъ, 4) союзъ садовниковъ, 5) союзъ прислуги, 6) пѣвческій союзъ „Aidas“, 7) общество трезвости.

Въ Виржахъ существуютъ 6 союзовъ: сельскохозяйственный, потребителей, благотворительности, пожарное общество, пѣвческій союзъ „Luga“ и трезвости.

Вобольники имѣютъ также 6 союзовъ: сельскохозяйственный, молочнаго хозяйства, благотворительности, трезвости, женское общество и лит. пожарное общество.

Въ Вейвиюнахъ, Рошвитинахъ, Лавковѣ есть по одному сельскохозяйственному и одному обществу потребителей.

Шавли и Субочъ имѣютъ по одному обществу для собесѣдованій и просвѣщенія, Скаудвили—одно общество трезвости и одно—потребителей.

Въ Маріамполѣ есть общество сельскихъ хозяевъ, съ 18 отдѣленіями въ окрестности, далѣе—сельскохозяйственное общество „Zagre“ съ еще 3 отдѣленіями; кромѣ того—просвѣтительное общество „Ziburys“ (съ 57 отдѣленіями), пѣвческій союзъ „Gabija“, союзъ рабочихъ.

Въ Сувалкахъ есть общество собесѣдованій, въ Вержболовѣ—5 обществъ хозяйственныхъ и вспомошествованія, въ Алитѣ—одно общество потребителей.

Въ Петербургѣ были 4 союза вспомошествованія и студенческіе.

Въ Ригѣ 8 обществъ: просвѣтительное, пѣвческое, вспомошествованія, потребителей, два о—ва трезвости, собесѣдованій и студенческое.

Одесса имѣла 2 литовскихъ общества: взаимопомощи и просвѣтительное.

Въ Либавѣ и Митавѣ существовало по одному литовскому обществу вспомошествованія, точно также—въ Варшавѣ и Краковѣ. Въ Москвѣ и Краковѣ были еще студенческія общества.

Что касается политическихъ обществъ—то нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя можно было бы привести.

Литовскіе союзы въ Америкѣ слѣдующіе: 1) Союзъ литовцевъ въ Америкѣ (свыше 15.000 членовъ). 2) Литовскій социалистическій союзъ (свыше 3.000 членовъ). 3) Союзъ друзей отечества, 4) Общество вспомошествованія „Augs“, 5) Союзъ литовскихъ католиковъ (14.000 членовъ). 6) Союзъ литовской прессы, 7) Общество поддержки эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ, 8) Такое же общество въ Филадельфій, 9) Общество Трезвости, (6000 членовъ). 10) союзъ органистовъ, 11) Общество вспомошествованія учащимся, 12) Союзъ католическихъ студентовъ, 13) Союзъ литераторовъ, 14) Союзъ врачей, 15) Просвѣтительное общество, „Sviesa“ 16) Литературное общество въ Вальпайрайзо, 17) Литовскій Политическій Клубъ, 18) Союзъ обществъ вспомошествованія, 19) Союзъ литовцевъ въ Шекапдаа. Во время войны было основано еще нѣсколько новыхъ союзовъ; католическое общество литовскихъ женщинъ, литовскій союзъ рабочихъ, литовскій національный союзъ „Sandora“, который на съѣздѣ 2 января 1916 года выставилъ требованіе независимой Литвы. Недавно до войны былъ основанъ союзъ „Lietuvos Vyčiai“ („Рыцари Литвы“). Этотъ союзъ быстро разросся во время войны, и въ первой четверти 1916 года число его членовъ превалило за 4.000.

Каждый литовскій союзъ въ Америкѣ имѣетъ свою газету, нѣкоторые имѣютъ даже два органа. Имущество союза литовцевъ въ Америкѣ и союза литовскихъ католиковъ превосходитъ 750.000 марокъ каждое.

Эти союзы основали во время войны три фонда: литовскій католическій національный фондъ, достигшій уже въ маѣ 1916 г. суммы въ 250.000 марокъ; литовскій фондъ вспомошествованія, достигавшій къ тому же времени 75.000 марокъ, и фондъ литовскихъ социалистовъ въ пользу Литвы, состоявшій изъ 120.000 марокъ.

Въ прусской Литвѣ существуютъ 4 литовскихъ союза избирателей, одна пѣвческій союзъ, 12 обществъ молодежи, объеди-

ненныхъ съ другими въ союзъ литовскихъ обществъ, далѣе— миссіонерскій союзъ „Sandoga“, который преслѣдуетъ также національныя цѣли, и небольшія экономическія группы.

К вопросу о сохраненіи литовской націи.

Условія существованія. Вышеизложенное показываетъ, какъ сильно бьется жизненный пульсъ литовскаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснены огромныя противорѣчія между желаніями окружающихъ народовъ и жизненной волей литовцевъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что среди литовскаго народа въ прошломъ столѣтіи, въ началѣ очень тихо и постепенно, къ концу — нѣсколько живѣе, а въ нынѣшнемъ столѣтіи даже съ необыкновенной силой былъ данъ положительный отвѣтъ на вопросъ о національномъ существованіи. Это дало первоначальное условіе для такового. И такъ какъ эту волю нельзя никакимъ образомъ уничтожить, то существованіе литовской націи и въ будущемъ кажется обезпеченнымъ.

Однако наличности одной этой воли къ существованію еще недостаточно. Она должна еще упражняться, быть дѣятельной. Для этого необходимо, чтобы люди оказывали дѣйствіе одинъ на другого все болѣе богатыми средствами внутренней жизни, иначе говоря—признаками духовной зрѣлости и творчества. Только когда въ народѣ достаточно культурныхъ цѣнностей, и когда это богатство безъ остатка растетъ—только тогда возможно продолжительное національное существованіе.

Конечно, не надо думать только о вещахъ матеріальныхъ. Онѣ имѣютъ только второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе—накапливать нравственныя силы, духовныя богатства, и потомъ—извѣстное физическое состояніе здоровья, съ соотвѣствующимъ ростомъ населенія. Отсюда черпаютъ всегда новыя силы жизнь народа и его стремленіе къ существованію.

Этихъ культурныхъ богатствъ легче достигнуть въ социальномъ организмѣ, въ которомъ члены поддерживаютъ другъ друга, одна часть обмѣнивается съ другой своей духовной жизнью. Но что и при всѣхъ нуждахъ и затрудненіяхъ, какія можно только вообразить, жизнь націи можетъ окрѣпнуть — это доказываетъ

именно примѣръ Литвы. Все приходилось создавать при величайшихъ затрудненіяхъ—и было создано.

Покрушеніе на національное существованіе. Литовскій народъ только в малой части былъ притѣсняемъ нѣмцами, въ большей же части—поляками и русскими. Отношенія этихъ народовъ къ литовцамъ были неодинаковы.

Если не говорить о борьбѣ между Тевтонскимъ рыцарскимъ орденомъ и литовцами съ древнихъ временъ, отношенія между Литвой и Германіей (Пруссіей) были мирныя. Но у нѣмцевъ, имѣвшихъ дело съ Литвой, существовалъ взглядъ—и онъ существуетъ еще и сейчасъ—что литовскій народъ вымираетъ.

Политика прусско-нѣмецкаго правительства по отношенію къ литовцамъ состояла въ томъ, что оно старалось распространять среди литовцевъ нѣмецкую культуру, передать литовцамъ нѣмецкое просвѣщеніе. Высшая культура, по закону природы, и безъ особыхъ мѣръ распространяется среди низшей. На ассимиляцію литовцевъ, поэтому, въ нѣмецкихъ кругахъ смотрѣли какъ на естественный процессъ. И надо признать, что литовцамъ въ Пруссіи не воспрещалось развивать и свою собственную культуру, если не считать нѣкоторыхъ выпадовъ второстепенныхъ органовъ, а также—то здѣсь то тамъ появляющагося утвержденія, будто бы національное самосознаніе литовцевъ—вещь, искусственно созданная. При этомъ совсѣмъ не подумали о томъ, что люди, которые работаютъ въ этомъ направленіи, принадлежатъ тоже къ народу, и что, по крайней мѣрѣ у нихъ, это стремленіе къ сохраненію своей національности должно быть естественнымъ—иначе они не жертвовали бы имуществами и жизнью дѣлу, которое приносило имъ только потери и постоянныя огорченія.

Но и со стороны нѣмцевъ проявлялось стараніе о существенномъ развитіи національно-литовскаго элемента, особенно—со стороны различныхъ ученыхъ. Однако изъ нихъ, гениальнаго лингвиста д-ра Георга Зауэрвейна, литовцы никогда не забудутъ. Въ какой мѣрѣ онъ высоко цѣнилъ свою нѣмецкую культуру, въ такой же мѣрѣ радовала его любовь литовца къ своему языку и національности. Профессоръ д-ръ Адальбертъ Беззенбергъ, который занимается Литвой хотя только съ научнымъ интересомъ, также пріобрѣлъ сердца широкихъ литовскихъ круговъ своей глубокой симпатіей къ изучаемому предмету. Упомянемъ еще Шлейхера и Тетцнера. Подобное можно сказать, хоть и въ меньшей мѣрѣ, о нѣкоторыхъ полякахъ и русскихъ. Но въ

общемъ, польскій элементъ обнаруживалъ всегда агрессивную тенденцію по отношенію къ литовскому. Польша хотѣла не только распространить свою культуру, но и задержать литовскую.

Но сильнѣе всего эта тенденція обнаруживалась у русскихъ. Они, собственно говоря, не имели никакой культуры, которую можно было бы навязать литовцамъ. Они, поэтому, хотѣли, чтобы литовцы, по крайней мѣрѣ, говорили по-русски. Но всякое культурное начинаніе литовцевъ, все, что могло обезпечить существованіе литовской націи—всему этому мѣшали, хотѣли это искоренить. Это удалось только отчасти. Литовцы, отчужденные отъ своего народа, предпочитали тогда ужъ лучше переходить къ полякамъ, ибо тамъ все же находили высшую культуру, до которой русскимъ было еще далеко.

Русская ненависть къ культурѣ обратилась противъ литовцевъ сейчасъ же послѣдняго раздѣла Польши. Сначала, конечно, царскій манифестъ обѣщалъ сохранить права и привилегіи Литвы. Даже академія въ Вильнѣ превратилась—въ 1803 г.—въ университетъ. Однакоже, Литва сдѣлалась только русскою провинціей. Польша со скрежетомъ зубнымъ переносила потерю своей самостоятельности. И въ 1831 году вспыхнуло польское возстаніе. Литва присоединилась къ Польшѣ. Но русская сила побѣдила. И больше всего пришлось потерѣть слабѣшему, т. е. Литвѣ. У нея отняли всѣ зачатки права, закрыли всѣ учебныя заведенія, уничтожили университетъ въ Вильнѣ, вмѣсто древняго литовскаго права ввели русское, и т. д.

Тяжелый гнетъ повелъ къ еще одному возстанію литовцевъ и поляковъ. Но и это возстаніе было подавлено. Теперь у литовцевъ отняли послѣднее средство развитія ихъ культуры—права на свой языкъ и письменность. Генераль Муравьевъ, прибывшій въ 1863 году въ Вильно, объявилъ, что въ короткое время даже имя Литвы должно исчезнуть. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ Литва была извѣстна только какъ „Сѣверозападный Край“. Литовская національность подавлялась безъ жалости. А Россія была такъ благодарна Муравьеву, что поттавила ему въ самой срединѣ Литвы, въ столицѣ страны, мѣдный памятникъ! Теперь, во время войны русскіе увезли этотъ памятникъ внутрь Россіи, по причинѣ содержанія въ немъ мѣди. Можно было бы употребить это на другія цѣли.

Съ того времени устранивались облавы на всякую литовскую книгу. Въ Пруссіи рассказывали о кострахъ, на которыхъ

русскіе сожигали конфискованные литовскіе молитвенники. Нечего говорить, что другія книги щадили еще меньше. Однако, число литовскихъ книгъ все возросло*), и національная сила литовцевъ окрѣпла въ сопротивленіи этимъ жестокостямъ. Правда, многіе изъ лучшихъ сыновъ народа были брошены въ темницы. Многіе, у которыхъ находили литовскія книги, были сосланы въ холодную Сибирь; многіе изъ нихъ тамъ погибли.

Но эти притѣсненія все же давали въ результатѣ и нѣчто хорошее: въ литовцахъ проснулось чувство солидарности. Каждый, кто только могъ, собиралъ для мучениковъ въ тюрьмахъ и въ Сибири, отказывая себѣ во многомъ. Со всей энергіей литовцы работали также для взаимной поддержки.

Многое прибыло также въ Литву изъ Россіи, но культуры—никакой. Настоящимъ бичемъ для Литвы были русскіе колонисты, которые могли бы оказать деморализующее вліяніе, если бы литовцы, благодаря отталкивающему примѣру, не были вынуждены соблюдать самую строгую нравственность. Однакоже, всеобщее взяточничество русскихъ чиновниковъ, подхалимство и тому подобное наврядъ ли остались безъ вліянія на народный характеръ, хоть литовцевъ и не допускали, можно сказать—принципально, ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, и даже къ простымъ работамъ въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Литва должна была обдѣлать и потерять всякую моральную силу. Этого, повидимому, требовалъ дальнзоркій взглядъ русскихъ политиковъ. И вопреки всему этому—такой подчемъ національной жизни, такой размахъ національной культуры! Болѣе жестокаго, болѣе насильнаго подавленія трудно себѣ представить. И тѣмъ не менѣе Литва въ основномъ своемъ характерѣ не поколеблена, даже сдѣлалась еще крѣпче, солиднѣе. Такъ дѣло обстоитъ и сейчасъ, когда война продолжаетъ дѣлать свое дѣло.

Значеніе литовской культуры. Въ этомъ вопросѣ многіе расходятся. Сторонники неограниченной экспансіи великихъ народовъ не признаютъ за литовской культурой никакой цѣнности. По ихъ мнѣнію, литовскій народъ является только какъ бы препятствіемъ для человѣческаго прогресса. Конечно, нельзя просто истребить

*) Въ 1891—93 годахъ при тайномъ провозѣ изъ Пруссіи черезъ русскую границу была конфисковано 37,718 книгъ: 1894-96—40,335; 1897-1900—39,025; 1900-02—56,183.

всѣхъ литовцевъ. Но было бы хорошо всосать ихъ въ свой собственный народъ.

Какъ будто литовцы черезъ это выиграютъ въ цѣнности, и вслѣдствіе этого уже получаютъ право на существованіе! Или же, можетъ быть, въ нихъ, есть что нибудь такое, что могло бы принести великимъ націямъ здоровья силы? Такой наивный вопросъ, конечно, ставить не приходится.

Разныя лица изъ литовцевъ указываютъ на тотъ историческій фактъ, что нѣкогда именно литовскіе князья сломали силу воинственныхъ татарскихъ ордъ, когда онѣ наводнили Европу; благодаря литовцамъ, спасена была европейская „культура“.

Конечно, это еще нельзя считать особенной заслугой громаднаго значенія. Надо еще доказать, что европейской культурѣ дѣйствительно грозила опасность со стороны татаръ, дальѣе — что эта культура дѣйствительно была такою цѣнною, и т. д. Если народы хвастаютъ другъ передъ другомъ тѣмъ, что каждый изъ нихъ далъ человѣчеству — это, въ дѣйствительности, только дѣтскій споръ. Чѣмъ измѣрять цѣнность того, что народъ далъ? Евреи любятъ хвалиться тѣмъ, что они дали Европѣ религію; и другія націи съ этимъ согласны. Но развѣ эта религія, поскольку она составляетъ спасеніе человѣчества, иудейская? Вѣрнѣе было бы сказать что то вредное, что выступило въ связи съ нею, обнаруживаетъ еврейскій духъ. Точно также, еврейской чертой въ европейской культурѣ является особенно то, что напираетъ на дѣла міра сего.

Но то, что можно сказать о евреяхъ, относится также и къ другимъ народамъ, такъ гордо подчеркивающимъ свое достоинство. Каждый разъ является вопросъ о дѣйствительномъ благѣ, которое они дали человѣчеству, и каждый разъ трудно дать ясный отвѣтъ.

Такимъ достоинствомъ литовскій народъ, конечно, не обладаетъ. Надо, притомъ, прибавить, что великія націи желаютъ подавить „только“ литовскій языкъ и особенности, считая, конечно, что ихъ собственный языкъ и особенности имѣютъ болѣе высокую цѣнность. Такъ думаютъ русскіе, такъ думаютъ поляки, а также нѣмцы. Остается только изслѣдовать, въ чемъ у этихъ трехъ народовъ заключается дѣйствительно высшая цѣнность. Но этого совсѣмъ и не нужно. Дѣло совершенно не въ этомъ, а — въ приращеніи силы. Поглощеніемъ столь богатой живой силы своимъ собственнымъ національнымъ организмомъ надѣются слѣ-

ваться сильнѣе. Является тогда вопросъ: „Для чего же сильнѣе?“ Приходимъ, такимъ образомъ, опять къ тому же желанію экспансіи на счетъ слабѣйшаго.

Опасность грозитъ прежде всего литовскому языку. Однако, если бѣгло окинуть взглядомъ рядъ индо-европейскихъ языковъ, то обнаружится выдающееся мѣсто, которое литовскій языкъ занимаетъ въ этомъ ряду. Ему въ этомъ ряду принадлежитъ княжеское мѣсто. Онъ бросаетъ свѣтъ на мышленіе и рѣчь всей семьи народовъ. Развѣ въ этомъ не заключается совсѣмъ особенная культурная цѣнность литовскаго народа? Притомъ, слѣдуетъ отбросить мысль, что эта культурная цѣнность уже использована. Мы теперь стоимъ только у начала изслѣдованія литовскаго языка.

Но этотъ вопросъ о культурномъ значеніи народа для обоснованія его права на существованіе, въ концѣ концовъ, совсѣмъ не имѣетъ смысла. Есть немало простоватыхъ мыслителей, которые готовы дебатировать вопросъ о правѣ любого человѣка на существованіе. Однакожъ, каждый человѣкъ существуетъ, ибо Творческая Сила призвала его къ жизни. На этой Силѣ покоится также существованіе каждаго народа и его культурная цѣнность. Эта Творческая Сила и есть также та сила эволюціи, которая несетъ народы дальѣе сквозь столѣтія и указываетъ каждому его мѣсто и значеніе.

Великія націи, конечно, являются также только ея орудіемъ. Силы, которыя въ нихъ напираютъ, не будутъ стѣсняться настоящей моей книги. Да и не надо! Пусть тѣ, кто дѣлаютъ высшую политику, поступаютъ согласно своимъ взглядамъ и усмотрѣнію, даже и въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду, чтобы литовскій народъ былъ доведенъ до нищеты и бѣдствій, и чтобы онъ потомъ, какъ рабочая масса, растворился въ большомъ тѣлѣ „культурныхъ націй“.

Однако присущая литовской націи внутренняя сила будетъ стремиться неустанно впередъ. И чѣмъ выше и благороднѣе будетъ ея цѣль, тѣмъ выше будетъ ея культурное значеніе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ основано ея существованіе. Будущее народа образуется изъ взаимодѣйствія всѣхъ участвующихъ силъ. Думать объ этомъ будущемъ — вещь праздная. Человѣкъ долженъ творить, дѣйствовать и бороться за высшее и благородное — дальнѣйшее само собою, какъ необходимое естественное слѣдствіе.